

Дикий Талант

Автор:

Виталий Обедин

Дикий Талант

Виталий Обедин

Шимун Врочек

Малиганы и Слотеры #7

Итак, действующие лица:

Паук Дакота, беспамятный убийца, покрытый татуировками с головы до ног. На первый взгляд и не скажешь, что этот варвар заложил дьяволу душу – причем, кажется, уже в седьмой раз... или в восьмой?

Ришье Лисий Хвост из рода колдунов и оборотней. Молодой аристократ с блестящими рекомендациями: бродяжничество, актерство, служба в наемниках. Ах да, еще он ненавидит големов. Ну с кем не бывает.

Кастор ди Тулл, последний из рыцарей ордена экзекуторов. Умен, смел, честен, бывший пират. Отвратительно обращается с женщинами. Рыцаря можно понять – из-за женщины убили всех его братьев по ордену.

Теперь осталось только выяснить, кому из них достанется Дикий Талант и почему они до сих пор живы.

Ну, по крайней мере, жив хоть кто-то из них.

Шимун Врочек, Виталий Обедин

Пролог

Магистр поднес к губам платок и зашелся в кашле. Кха-кха-кха. Грузное тело задергалось в кресле, лицо посерело, как у лежалого покойника. Гримаса боли исказила благородные черты. Когда магистр убрал платок, на ткани остались следы крови.

Кастор ди Тулл невольно отвел взгляд. Он знал, что болезнь пожирает главу ордена изнутри, и нет в мире лекаря, способного помочь – разве что среди оппонентов, но к их помощи магистр не прибегнет и под страхом смерти. «Когда-нибудь он выплюнет свои легкие», – серьезно и тускло, сознавая свое полное бессилие, сказал как-то Кастору Фарнак-Знахарь, главный целитель ордена. С тех пор старший экзекутор боялся стать свидетелем подобной сцены. Судя по кислым лицам гранд-мастеров, их посещали схожие мысли.

На этот раз обошлось. Магистр аккуратно вытер губы и кивнул ди Туллу:

– Продолжай.

Экзекутор помедлил. Когда он заговорил, голос его звучал сухо и бесстрастно. Даже слишком бесстрастно:

– Вторая группа подошла с востока. Со стороны реки. Мы не слышали плесков, поэтому остается только предположить, что они воспользовались заклинанием левитации.

– Чтобы переправить сотню людей через реку, нужно принести огромную жертву! Рев забиваемых быков вы бы услышали за пару лиг, – проворчал один из гранд-мастеров. Магистр поднял руку, останавливая его.

– Нападение было внезапным и решительным, – продолжал Кастор. – Нас застали врасплох. В первые же мгновения часть дружины была выбита залпом из

арбалетов.

– Арбалетов? При такой серьезной подготовке они даже не имели мушкетов?

– У арбалетов свои преимущества. Они бесшумны, не задымляют обзор, не выдают стрелков с первых выстрелов. Все бельты, выпущенные в нас, были зачарованы, многие с серебряными наконечниками. Они легко пробивали нашу защиту. Я потерял каждого третьего бойца, прежде чем мы успели перестроиться и контратаковать.

Руку старшего экзекутора свело от боли. Он только сейчас осознал, что сжал кулак с такой силой, что ногти вонзились в ладонь.

– Это моя вина. Я не сразу понял, что случилось. Полагал, что это вторая группа сектантов – незамеченная нами. Я понял свою ошибку слишком поздно.

Кастор ди Тулл замолчал. Перед его внутренним взором мелькали картины ночной резни – яркие, отчетливые, колюче-рваные, словно видения больного, мечущегося в лихорадочном бреду.

...Блеск металла. Разорванный в крике рот. Стремительный бег в темноте. И проклятые кусты, ожившей тварью цепляющиеся за руки и ноги – вяжущие, сковывающие движения. Подставляющие под удар.

Рывок! Взмах! Свист!

Он успел вывернуться из назойливых объятий куста – едва не задохнувшись, когда фибула плаща врезалась под кадык. Узкий и длинный меч экзекутора, предпочитаемый в ордено новомодным шпагам, с чавкающим звуком врубился во вражескую плоть, рассек ключицу. Кожаная маска, размалеванная белым под дьявольскую рожу, скрывала лицо нападавшего, но крик, глухой и страшный, она заглушить не могла. Следующий удар был ударом милосердия.

Старший экзекутор повернулся, отыскивая взглядом своих. Проклятье! Ночной лес выталкивал из себя все новых и новых безликих, экзекуторы же медленно отступали к центру поляны, подставляясь тем самым под очередную залп. Ди

Тулл слышал скрип взводимых арбалетов. Отточенная, четко спланированная операция ордена обернулась беспорядочной резней, в которой неведомый враг одерживал верх. Люди в масках не были оппонентами. Это не сектанты, приносящие человеческие жертвы! не дьяволопоклонники! не Братство конца света! Но кто?!

Словно прочитав его мысли, Ворон, боевой маг дружины, закричал:

– Это не секта, Тулл! Это наемники!

Стороны дрались молча, точно соблюдая некую договоренность. Не было воплей, проклятий, громких команд. Только лязг клинков, глухие стоны раненых и металлические щелчки арбалетов. Крик Ворона прозвучал в этой «тишине» неуместно громко.

С каждой секундой положение дружины становилось все тяжелее. Кастор стиснул зубы. Эзекуторы – мастера одиночного боя, отличные солдаты, искусные фехтовальщики и вообще – люди проверенные, опытные и храбрые. Послушником ордена стать нелегко. Но, несмотря на свои достоинства, сейчас они явно проигрывали противнику, куда более многочисленному и имеющему преимущество внезапного нападения.

Перед ди Туллом из леса вынырнули безликие. Их было трое, и в другое время он, не колеблясь, атаковал бы всех сразу – но сейчас приходилось отступать!

Взмахнув мечом, Кастор заставил безликих отпрянуть и попятился, выигрывая дистанцию. После короткого замешательства они бросились за ним. Рыцарю пришлось уложить одного и ранить другого, прежде чем он добрался до своих.

Эзекуторы сбились в подобие строя, выставили мечи. Закопченная сталь не блестела в темноте. И клинки безликих тоже были выкрашены черным. Стороны готовились нападать и убивать в ночи.

Наемники отхлынули, давая возможность стрелкам, прячущимся среди деревьев, расстрелять эзекуторов из арбалетов. Металлические щелчки слились в единый звук. Но прежде чем рой смертоносных бельтов обрушился на дружину, Ворон активировал заклинание воздушного щита. Сильно запахло грозой – верный признак волшбы. Ворон пошатнулся от невидимого удара, но

устоял; кровь из порезанного запястья капала на амулет вызова. Стальные бельты, пробивающие даже рыцарские латы, разом прекратили полет. Они словно увязли в воздухе, затем медленно, нехотя, начали падать на землю. Безликие взвыли и снова бросились в атаку.

– Отходим! – скомандовал старший экзекутор. – Возьмите девушку. Кловис! Тайрик! Отвечаете за нее головой. В клинки, дружина!

Снова сталь ударила в сталь – с обеих сторон множилось раненые и убитые. Потери противника были гораздо тяжелее, но победы бойцам ордена это принести не могло. Численный перевес оказался слишком велик.

Экзекуторы откатились к западу, на месте шабаша осталось несколько десятков изрубленных тел. Вперемешку лежали сектанты, приносившие человеческие жертвы Черным Герцогам, сраженные братья в темно-синих плащах ордена и неизвестные в масках, разрисованных под дьявольские рожи. На лицах мертвых дружинников застыла растерянность. Они привыкли атаковать, бить первыми и – побеждать. Над ними реяла грозная воинская слава – экзекуторы, истребители чудовищ, рыцари Очищающего Пламени... и вдруг – ловушка, гибель лучших бойцов, отступление...

– Ты оставил дружину? – магистр грузно навалился на подлокотник.

Кастор почувствовал нестерпимое желание садануть кулаком по чему-нибудь твердому. Так, чтобы боль прошла руку от кисти до локтя. Чтобы кровь брызнула из разбитых костяшек. Чтобы хоть на миг – забыть и не помнить.

– У меня не было выбора, мессир, – севшим голосом, но по-прежнему твердо сказал ди Тулл. – Я получил задание, которое должен был выполнить. Любой ценой. Даже ценой жизни моих людей. Дружина прикрывала наш отход. Командование взял на себя Ворон.

Магистр сипло вздохнул, посмотрел на гранд-мастеров. Первый, черным утесом громоздившийся в кресле, маленьком для такого великана, покачал стриженной на солдатский манер головой. Это был Роберт ад`Тар, рыцарь огромного роста, и в драке, и в миру похожий на грозного медведя. Второй, Витольд Кайер, в прошлом – нобиль Лютеции, ныне – признанный мастер клинка и известный

чародей – скривил красивое лицо. Тронув пальцами застёжку плаща, он проговорил, вроде бы ни к кому не обращаясь:

– Мы не смеем осуждать действия старшего экзекутора. В конце концов, мы – рыцарский орден, и он поступил вполне по-рыцарски – спас девчонку! Правда, потерял свою дружину...

Кастор с трудом сдержал гнев. Чертов лютецианец! Витольд никогда не вызывал у него симпатии... мягко говоря.

Ди Тулл сделал над собой усилие, и голос сохранил прежнюю бесстрастность:

– Приказ звучал предельно ясно: доставить девушку в Башню, невзирая на трудности. Приказ выполнен. Трудности и потери превысили мои ожидания, но девушка – в Башне.

– Ди Тулл один из наших лучших командиров, – вступился за Кастора ад`Тар. – Какого черта ты к нему цепляешься, Витольд? А? Дай ему договорить.

Магистр кивнул и сделал знак старшему экзекутору – продолжай.

– Оставив заслон, мы отошли вглубь леса. Со мной были братья Тайрик и Кловис. К утру нам удалось добраться до ближайшего селения – деревни Тишь, принадлежащей графу Судвику Китренскому. Это мелкопоместный вояка, вассал барона фон Талька. Там мы купили лошадей и двинулись вдоль реки к югу.

Надсадный кашель прервал речь ди Тулла. На этот раз приступ был долгим и мучительным, глава ордена буквально осыпался в кресле. Гранд-мастера переглянулись. Кайер приподнялся, чтобы позвать лекаря, но магистр совладал с собой и махнул рукой – нет. Лютецианец, пожав плечами, опустил в кресло. Вытерев губы платком (на щеке остался след крови), магистр сипло произнес:

– Дальше.

– Прошу прощения, ваша милость! – в зал быстрым шагом вошел молодой экзекутор в небесно-голубом церемониальном плаще. – Эмиссары Баззеды Светлого настаивают на немедленной аудиенции. По словам султана Айяка, их

дело требует особого внимания Ордена.

Магистр нахмурился.

Посланцы эмира Баззеды, правителя Тортар-Эреба, Ордаи, Килаша, Сигии и трех пустынь. Некстати явившиеся, да еще в столь значительном количестве (конечно, для южан пышные свиты – дело обычное, но не настолько же пышные!), они вызывали у главы ордена глухое раздражение. Обычно магистр заранее знал, с чем пожаловали к нему представители корон и скипетров – сам в прошлом влиятельный вельможа, он внимательно следил за происходящим вне стен Башни. Закулисные игры царедворцев, перемещения войск вдоль границ, дипломатические ноты, взлеты и падения королевских фаворитов – магистр во всем находил смысл и тайную цель. Но чего хочет Баззеда сейчас?

Даже когда выяснилось, что дорожные бумаги и пайзацы у эмиссаров в порядке, тревога не оставила магистра. Наоборот, только усилилась. Четвертый день он тянул с аудиенцией, пытаясь вычислить, что на уме у воинственного и коварного южного владыки. Странно, что до Башни до сих пор не долетело никаких слухов о планах Баззеды. А планы были, их не могло не быть. Иначе к чему затевать целое посольство? Если бы речь шла об истреблении очередного чудовища или даже целого культа, достаточно было прислать известие с помощью обычного почтового импа. Но нет, Баззеда замыслил нечто серьезное, и он определенно желал заручиться поддержкой экзекуторов прежде чем действовать. Военная сила ордена не настолько велика, чтобы тягаться с армиями государств, но его политический вес внушает уважение. Неужели эмир юга намерен устроить обычный набег, замаскировав его под карательный рейд рыцарей Очищающего Пламени? Просто, слишком просто... Баззеда Светлый не зря носит прозвище Злокозненный. Хитрый, как лиса, и опасный, точно раненая росوماха!

Магистр и так и эдак ломал голову, пытаясь разгадать планы владыки Тортар-Эреба, но те оставались туманны.

Другое дело непосредственные соседи ордена – города-государства Лютеция и Ур, Блистательный и Проклятый. Тут особых секретов для магистра не было. Совет четырех, правящий республиканской Лютецией, собирается с помощью Мятежных князей оттяпать у Блистательного и Проклятого часть пограничных территорий вместе с ключевым городом-крепостью Наолом. Юный король Ура, точнее, правящий от его имени регент, тоже как на ладони – прилагает массу усилий для того, чтобы стравить всё тех же Мятежных князей Фронтيرا (из

прозвища слово «мятежный» давно превратилось в часть титула) с их друзьями-республиканцами.

Странно это. Влияние Ордена на востоке и юге, увы, пока недостаточно велико, чтобы заинтересовать Баззеду, а значит, глаза его не могут не смотреть на север...

Магистр так задумался, что не удосужился ответить посланцу. Молодой экзекутор терпеливо ждал, не смея отвлекать главу ордена. Ждал и Кастор ди Тулл. И оба гранд-мастера. Наконец ожидание стало неприлично долгим. Тогда Витольд Кайер небрежным движением распустил завязки плаща и откинул его на спинку кресла. Фибула громко стукнула по резному красному дереву. Магистр поднял веки. Собираясь с мыслями, оглядел присутствующих. Остановил взгляд на молодом экзекуторе.

– Сообщи послам, что аудиенция состоится сегодня вечером. Ступай!

Рыцарь помедлил, но, натолкнувшись на холодный жесткий взгляд Кайера, поклонился и выбежал из залы.

Ди Тулл молча ждал. Магистр кивнул, но тут же прижал к губам платок и затрясся в кашле. Кастор дождался окончания приступа и продолжил:

– Нас определенно преследовали. Причем, вовсе не те люди, что устроили засаду. Дважды нас пытались задержать конные разъезды. Видимо, им надлежало перехватить «трофей», если вдруг ему... ей удастся ускользнуть. Те, кто планировал нападение, учитывали возможность неудачи. Осмелюсь предположить: с самого начала они не знали, где следует искать девушку, и поэтому тайно следовали за дружиной. И атаковали в тот момент, когда мы уже почти завершили операцию.

– Предательство внутри ордена? Возможно ли это? – медленно произнес магистр, игнорируя гневные возгласы гранд-мастеров.

– Это не более чем предположение. Я просто думаю, что отслеживали не перемещения девушки, но путь нашей дружины. Враги знали меньше нашего... но зато им была известна истинная ценность «трофея»!

В какой-то момент самообладание изменило старшему экзекутору, и последние слова прозвучали как укор. Это почувствовали все присутствующие. Витольд Кайер не замедлил с ответным выпадом:

– Уж не желает ли наш брат упрекнуть орден в том, что мы бросили одну из своих лучших дружин навстречу опасности с завязанными глазами?

Ад`Тар только заворчал, соглашаясь с гранд-мастером.

– Нет, – сказал Кастор. – Я хочу только отметить, что, отправляясь на экзекуцию, мы не знали, в какой переплет попадем. Для перехвата «трофея» был набран значительный отряд наемников, привлечены сильные маги, способные переправить через реку сотню человек, и даже склонен к измене барон фон Тальк...

– Что?

– Что?!

– Что?!!

Три возгласа прозвучали одновременно.

– Лютеция пошла на нарушение Нееловского пакта?! – Витольд Кайер стиснул подлокотники кресла так, что побелели ногти.

– Ни один вассал Ура, Лютеции, Тортар-Эреба или Фронтира не смеет препятствовать ордену! Это измена всему человечеству! – ад`Тар вскочил. – Да мы!.. Да я!..

Магистр поднял руку, призывая к тишине. Кайер замолчал, барабанил пальцами по резному дереву. Человек-медведь долго бурчал и дергал завязки церемониального плаща, словно они душили его, но, наконец, успокоился.

– Обвинение барона фон Талька в нарушении Нееловского пакта, дарующего ордену неприкосновенность и неподвластность ни одному из смертных владык – серьезное обвинение. Для этого нужны достаточные основания.

– Мессир, боюсь, я располагаю таковыми, – просто сказал Кастор.

...Паромщик пробовал каждую монету на зуб, взвешивал на ладони, ощупывал мозолистыми пальцами, проверяя, не обрезаны ли края. Кастор ди Тулл следил за ним с плохо скрытым раздражением. Из всех своих спутников он единственный сохранил достаточно сил для того, чтобы злиться. Девушка по имени Яна (если это действительно было ее именем) бессильно прижалась к широкой спине старшего экзекутора и, кажется, дремала. Брат Тайрик, повязка которого набухла от крови, еле держался в седле. Лицо его приобрело землистый оттенок, а глаза вряд ли что-то видели. Поэтому только ди Туллу и оставалось проявлять недовольство медлительностью паромщика.

Кастор невольно поморщился, вспомнив, как близки они были к провалу. Сначала резня во время уничтожения шабаша; затем бегство через ночной лес; подозрительная деревня, коней в которой удалось купить, только угрожая пистолетом; затем – странные всадники, упорно преследовавшие маленький отряд на протяжении нескольких часов. Тело до сих пор ломало от бешеной скачки. Если бы не утренний туман, молочной пеленой опустившийся на землю, им вряд ли удалось бы избежать участи бедного брата Кловиса... да будут милостивы к нему небеса!

– Подгоняй паром, старый хрыч, – приказал ди Тулл, чувствуя, как саднит горло. – Подгоняй, или клянусь всеми святыми, ты будешь считать деньги на дне реки!

Лицо паромщика на какой-то миг приобрело угодливое выражение, но затем разгладилось. К удивлению старшего экзекутора, паромщик приосанился:

– А вы не очень-то кулаками размахивайте, господин хороший! Вы тут кто? Как есть чужак, человек прохожий! А мы – местные, люди барона фон Талька, а он своих людей в обиду не дает! Верно я говорю?

Последняя фраза была адресована явно не ди Туллу. В словах паромщика звучало неприкрытое торжество, а взгляд устремился куда-то за спину экзекутора. Кастор оглянулся и обнаружил, что к переправе приближаются несколько всадников в коричневых и серых плащах. На плече у каждого

отсвечивал какой-то символ, вышитый серебром, но что это за герб, издали было не определить. Полдюжины! Более чем достаточно. И времени на то, чтобы обратиться в бегство, уже не осталось. Не на измученном коне, несущем сразу двух всадников.

Выругавшись, Кастор потянулся к пистолету, но слова паромщика остановили его.

– Щас вам растолкуют, как задирать без причины честных людей. Энтэ разъезд нашего барона... Видите, как стигмы блестят? А второй всадник, что по правую руку – брат мужа моей кузины! Смотрите, господин, как бы вам не пришлось извиняться за свои грубости!

Прежде чем развернуть коня, Кастор аккуратно вытянул пистолет из кобуры, взвел курок и опустил оружие на луку седла. Хорошо, порох сухой: он перезарядил пистолет на подъезде к парому.

Всадники приблизились. Паромщик торопливо заковылял им навстречу, стаскивая с головы шапку и кланяясь. Но ни старший разъезда, ни родственник не обратили на старика внимания. Взгляды их были прикованы к полумертвым от усталости экзекуторам... и к их «трофею».

Ди Тулл изготовился, предчувствуя недоброе.

– Доброе утро, господа! Мое имя Монтарон, – сказал старший разъезда – невысокий, плотный и кряжистый, как пенек, мужчина с изуродованной шрамом губой. – Я помощник мажордома Боуна и требую предъявить дорожные бумаги и свидетельства об уплате пошлины за право пребывания на землях нашего господина, высокочтимого барона Иерона фон Талька.

– Милостивые судари! – вдруг повысил голос, приплясывая, паромщик. – Милостивые судари, это я, я... прошу защиты!

– Заткнись, По! – прикрикнул «родственник».

Паромщик замолчал, разом скукожившись и став как будто меньше ростом. На лице его застыло выражение обиды.

– Бумаги, милорд! – потребовал Монтарон. – Иначе вам придется поехать с нами.

Демонстрируя серьезность намерений, помощник мажордома опустил руку на эфес шпаги.

Кастор медленным движением – под прицелом шести пар глаз – поднял свободную руку и распустил завязки плаща. Солнце ярко заиграло на символе ордена экзекуторов – Башне, пронзенной сверху тонким мечом, клинок которого изгибался, словно язык пламени.

– Я – Кастор ди Тулл, старший экзекутор ордена Очищающего Пламени. Я исполняю важную миссию и требую от вас участия и помощи. Мне нужны ваши кони и ваши шпаги, мессеры. Уверяю, барон фон Тальк получит соответствующее возмещение.

Девушка за спиной зашевелилась. Кастор почувствовал, как тонкие руки крепче обнимают его за талию. Убедилась, что экзекутор не собирается причинить ей вред? А может, наконец, сообразила, кто увез ее с шабаша, и потому цеплялась за ди Тулла, точно за соломинку.

Вот только стрелять из-за такой хватки будет неудобно.

Монтарон переглянулся с родственником паромщика; в то же мгновение, уловив в этом обмене взглядами приговор, Кастор вскинул пистолет, целя в лицо помощника мажордома. Щелк! С опозданием взметнулись в ответ шесть пистолетов. Пальцы одновременно нажали на спуск, Яна вскрикнула...

Выстрелов не последовало. Все семь пистолетов дали осечку!

Челюсти людей фон Талька поползли вниз, но у ди Тулла не было времени удивляться. Коротко размахнувшись, он швырнул тяжелый пистолет в лицо Монтарона. Вонзил шпоры в бока коня. Животное отчаянно заржало, поднимаясь на дыбы. Девушка обхватила старшего экзекутора с неожиданной силой – Кастор даже задохнулся. На долгий миг конь застыл перед людьми фон Талька, молотя копытами по воздуху. Монтарон, прижимая к окровавленному лицу ладонь, что-то закричал. Щелкнули взводимые заново курки. Родственник паромщика, выхватив шпагу, попытался пырнуть жеребца в живот, но неожиданно сам полетел на землю, одной ногой запутавшись в стремени. Так

позорно мог выпасть из седла только желторотый юнец.

К сожалению, брату Тайрику не повезло. Он успел обнажить меч, но полученная рана и двухдневное непрерывное напряжение – бой, резня, погоня – обессилили молодого экзекутора. Он не сумел отразить даже первый выпад, и узкое стальное жало рапиры вошло ему в горло.

Невероятным усилием ди Тулл развернул коня и погнал к обрыву, под которым, крутя водовороты, текла река. До поверхности было больше двадцати футов. Конь прыгнул. Вода с оглушительным плеском взметнулась в воздух, на какое-то время скрыв и животное, и седоков от преследователей. Пули зашлепали поверху, и чей-то выстрел угодил в жеребца.

Когда Кастор вынырнул, берег был затянут пороховой дымкой, оттуда неслись проклятья и отрывистые приказы...

– Ты выпутался из стремян, выплыл с мечом, в одежде? – недоверчиво спросил Роберт ад`Тар. – И девку с собой выволок?!

Кастор молча кивнул. Человек-медведь покрутил головой и уставился на старшего экзекутора так, словно видел его впервые.

– Я перерубил канат, удерживавший паром, и течение унесло нас прочь. Какое-то время люди фон Талька преследовали паром, двигаясь вдоль берега, но потеряли нас на излучине.

– Это оно, – медленно сказал Кайер.

– Не думаю, – возразил магистр едва слышно. – Иначе мы имели бы живую богиню, а не измученную пленницу.

– Пленницу? – ди Тулл посмотрел на главу Ордена. Он хотел добавить что-то вроде «я полагал», но дисциплина взяла свое.

– Пленницу, – сказал магистр. – И очень опасную пленницу.

В следующее мгновение дверь распахнулась, впуская в покой звуки боя: лязг стали, грохот выстрелов, яростные вопли и команды.

– Измена! – закричал с порога рослый экзекутор, прижимая к груди рассеченную руку. – Эребцы перебили стражу! Все магические скрижали взломаны! Они врываются внутрь, и их целая армия!

Гранд-мастера вскочили на ноги, словно подброшенные пружинами. В руках ад`Тара как по волшебству появилась секира – архаичное, наводящее ужас одним своим видом оружие, против которого шпаги кажутся жалкими прутиками.

Витольд Кайер пошел к двери. Он держал на ладони четки из сандалового дерева, не менее грозное оружие – для мага, конечно. Четки представляли собой гроздь практически завершенных, уже обеспеченных жертвоприношениями, страшных по своей силе заклинаний. Для приведения в действие любого из них достаточно было произнести Слово власти. Кастор на мгновение прикрыл глаза, ошеломленный. И здесь враги! Сердце стучало, как барабан – тревожно и часто. Ди Тулл обнажил меч. Только магистр не шелохнулся.

– Как посмели! – ревел ад`Тар. – Нееловский пакт нерушим! Это невозможно!

– Это оно, – с ледяным спокойствием произнес Кайер. – Какие еще нужны доказательства? Невозможное становится возможным. В Башне – враги.

– Витольд и Роберт, возглавьте оборону. Если придется, обеспечьте отступление братьев через потайные ходы, – приказал магистр. – Кастор ди Тулл! – Старший экзекутор выпрямился. – Я приказываю тебе защищать пленницу. До последней возможности, и не взирая ни на что! Если небо будет падать, ты должен его удержать. Но если она попадет в чужие руки... убей её. Тогда у нас будет время для того, чтобы...

Магистр осекся.

– У нас просто будет еще немного времени... Иди!

Кастор кивнул и выбежал прочь.

За его спиной взревел человек-медведь. Сухой речитатив Кайера резал слух, взламывая печати на четках-заклинаниях.

Проклятые южане еще пожалеют, что осмелились напасть на орден. Тем самым они объявили войну Уру, Блистательному и Проклятому, и Лютеции, не говоря уже о легких на подъем Мятежных князьях Фронтира.

А Башня устоит! Для того чтобы уничтожить орден, потребуется больше, чем армия!

Глава 1. ЛЮБОПЫТСТВО

(входит Генри)

...солнце.

– Ту-иииип! Ту-ииииип!

На редкость неприятный звук.

«Желающий в совершенстве овладеть искусством полководца...»

– Твип!

Бокал с вином покачнулся. Я придержал его ладонью, затем перевернул страницу.

«...должен усвоить две вещи. Первая, наиважнейшая для разумного военачальника...»

При такой погоде зажечь светильники я не позволил – дневной свет приятнее – и читал, сидя у окна. Трактат «О войне» великий Роланд Дюфайе, герцог Эмберли, написал в дурном расположении духа. Хлесткие выпады в адрес лютецианского

Совета четырех; раздражение, с которым Эмберли упоминал своего главного противника – герцога Виктора Ульпина; едкая горечь примечаний. И в тоже время – четкие и ясные теоретические выкладки, железная логика, отточенный и холодный разум. Отправив Эмберли в ссылку, Лютеция лишила себя великого полководца.

«...война – путь обмана».

– ТВИ-ИП!

Поезд резко остановился, меня едва не выбросило из кресла. Бокал опрокинулся, вино залило белую скатерть. Проклятье!

Я вскочил. Кроваво-красное пятно росло на глазах. Нет уж, никакого больше сантагского вина...

Голоса. Крики...

Блеснуло. За окном пробежал человек в шлеме и с аркебузой в руках. За ним второй. Потом еще несколько.

Что за...?

Я положил книгу на кресло. Накинул камзол поверх рубашки, но зашнуровывать не стал. К хаосу! Благородные дамы, если таковые обнаружатся в соседних вагонах (лучше бы, конечно, в моем, но – не повезло), простят мне нарушение приличий... Или не простят, что с благородными дамами тоже иногда случается. Впрочем, наплевать. Сейчас меня гораздо больше интересует, почему поезд остановился. Посреди чистого поля, ни деревеньки захудалой, ни станции какой завалящей...

Перевязь с пистолетом на плечо, шпагу на пояс, и – вперед, за объяснениями.

В коридоре мне навстречу шагнул человек, поклонился.

– Мессир граф?

– А, Берни, – сказал я. – Вас я и ищу.

– Всегда рад помочь, мессир граф.

Берни снял кожаный шлем с забралом из темного стекла. На мокром лбу осталась красная полоска. Серые глаза чуть-чуть слезятся. Берни, как проводнику «золотого» вагона, хотя бы шлем положен. Не представляю, что с глазами у проводников из дешевых вагонов.

– Жуткое солнце сегодня, Берни.

– Вы совершенно правы, мессир граф. Желаете знать, почему стоим?

– Желаю, Берни. Я видел солдат. Кажется, из охраны поезда. Что-то серьезное?

– Неизвестно, мессир граф. По вагонам передали «срочная остановка». Пока больше ничего.

– Это надолго? – спросил я без особой надежды. Если надолго, Лота меня убьет.

– Простите, мессир граф, не могу знать.

Я кивнул проводнику и прошел к выходу. Дверь отворилась легко и бесшумно, словно... зачарованная? Нет, никакой магии. По крайней мере, никаких заклятий на двери не чувствовалось.

Я спрыгнул на насыпь и зашагал вдоль состава.

Срочная остановка, говорите?

Неужели – засада? На гильдейский поезд? В котором, между прочим, господа маги вполне могут путешествовать – а это ведь не шутка! Порталы, как известно, колдовской талант не любят. Могут руки с ногами, или, того хуже – некий прыщавый нос с известным местом перепутать. Поэтому господам магам одна дорога – Свинцовая тропа, по которой големы поезда тянут. От Ура до Лютеции за шесть дней – недорого, с полным комфортом. И руки-ноги на месте, что тоже приятно. С порталами по скорости не сравнить, но быстрее, чем

лошадьми.

– Что случилось? – спросил кто-то. Я отмахнулся, не глядя.

Чем ближе к голове поезда, тем больше народу. Гвалт стоит... «Господин хороший! Скажите хоть вы...» Вагон номер четыре: грубо сколоченная деревянная коробка, окна – щели, какие-то узлы лежат на насыпи. Дородная селянка в чепчике смачно уплетает вареное яйцо, скорлупа на подоле.

– Erstellt euch![1 - Erstellt euch! (фронт.) – На исходную!] – раздается команда.

У следующего вагона толпа наблюдает за действиями стрелков. Как только поезд остановился, они пробежали мимо моего вагона – теперь я увидел их за работой. Солдат было пятеро, они выстроились в шеренгу и зарядили аркебузы. Серые рубахи с пятнами пота, рукава закатаны, штаны пришнурованы кое-как – вон у того, в помятом рокантоне, вообще свисают, выставляя на обозрение загорелую кожу. Но зато все стрелки – при оружии. На поясе у каждого короткая шпага, через плечо ружейная перевязь. Сошки воткнуты в землю, стволы аркебуз направлены в сторону ближайшей рощицы. До нее шагов триста-триста пятьдесят – причем триста-триста пятьдесят ровного поля, трава по щиколотку...

Трудно назвать это идеальным местом для засады. Для пехоты далеко, а всадников в роще укроется от силы десятков.

Или все-таки...? С местных вояк станется. Как писал великий Роланд Дюфайе, герцог Эмберли: «Война – путь обмана. Нападай на противника там, где он этого не ждет».

Шкипер. Лет тридцати, черная бородка с сединой. Берет сдвинут на затылок, смуглое лицо блестит от пота.

Перед ним – купцы, рыцари, дамы. Похоже, не один я такой любопытный.

– Господа, кхм... господа. Это всего лишь небольшая заминка. Легкое повреждение, кхм... дороги. Скоро поезд двинется в путь. Прошу разойтись по

вагонам, господа, и не мешать ремонтной бригаде.

Шкипер говорит спокойно и немного устало, тоном привычного ко всему дорожного волка. Я пригляделся. На груди «волка» – цепь с гильдейским знаком. Свинцовое колесо с шестью спицами и серебряный прямоугольник, должный символизировать портал. Похоже, шкипер переживает не лучшие времена – свинец потускнел, серебро почти черное, а темно-коричневый камзол имеет весьма помятый вид. Впрочем, что мне до этого? Единственное, что меня сейчас волнует – скорость поезда.

– Сколько займет починка? – спросил я.

Шкипер перевел взгляд на меня, оценил шпагу, пистолет, камзол нараспашку... И досадливо прищурился – от глаз разбежались морщинки:

– Мессир?

Вокруг зашумели. «Объясните же, наконец!»

– С кем имею честь?

– Генри Уильямс, – сказал я. – Граф Тассел.

Ну и что, что имя не настоящее? Зато звучит хорошо, и проверить сложно. Кто знает, где находится этот Тассел? Я лично понятия не имею.

И шкипер, кажется, тоже. Взгляд у него сделался вынуждено доброжелательным, и даже улыбка появилась – фальшивая, как урский золотой, отчеканенный в Лютеции. Вроде и хочется перед графом прогнуться, да совесть вопит об ущемлении достоинства. Тяжело с таким характером жить – ни тесто, ни сталь, серединка на половинку.

– Мессир граф, позвольте мне выразить...

– Видите ли, уважаемый, – сказал я. Улыбка исчезла. – Вы тратите мое время. Я рассчитывал следующей ночью быть в Китаре, а к вечеру третьего дня – в Наоле... И я там буду. – Я выдержал паузу и продолжил:

– Если, конечно, вы ничего не имеете против.

Шкипер поджал губы:

– Смею вас уверить, мессир...

– Меня не интересуют оправдания, шкип. Я хочу, чтобы вы четко и ясно объяснили, почему мы стоим – вместо того, чтобы двигаться. По моему мнению, поезд может стоять только в двух случаях: когда он пуст или когда он прибыл по назначению. Первое отпадает. Второе... Я лично не вижу здесь станции. А вы?

– Но...

– Отвечайте на вопрос. Вы видите здесь станцию?

Шкипер сник.

– Нет, мессир.

– Хорошо. Пожалуй, мы начинаем понимать друг друга. Следовательно, вы согласны, что ситуация необычная?

– Кхм... нет, мессир. Я бы так не выразился. Скорее...

Каков наглец!

– Что «скорее»?

– Раздражающая, мессир. Повреждение небольшое, но... кхм, не очень удачное. Извольте сами взглянуть. Вон там, у самых ног топтуна...

С виду голем-топтун – наспех сделанная заготовка человека. Творец поторопился.

Огромная глыба серовато-пористого камня, покрытая, как росписью, сеточкой трещин. Маленькие ручки сложены на груди. На руках – по три пальца, на ногах – по четыре. Небольшая голова, переходящая сразу в плечи. Лицо...

Меня передернуло.

Все големы с клеймом Малиганов очень похожи. Несмотря на различия в строении тела, предназначении, материале, из которого голем сделан – камень, дерево или простая глина – на лицах у них одно и то же выражение. Его трудно не узнать. Если у двухлетнего ребенка отнять игрушку, его лицо превратится в лицо голема. «Это моя лопатка. Дай!» Одна единственная эмоция – но големы выглядят почти живыми.

Да-а-ай!

Мне это никогда не нравилось.

Я обошел топтуна по широкой дуге. Шкипер подавил ухмылку. «Боимся големов-то, ваше сиятельство»? Даже если и так – не твое собачье дело. Страх перед подобными созданиями – вполне естественное чувство. Клянусь шестым Герцогом! У меня самого...

Я всегда считал: родители, дарящие любимому чаду игрушку-голема – имеют большие проблемы с головой. Еще бы мертвых младенцев дарили, честное слово. Вместо куклы. А что? Толковый некромант, заклинание от запаха и – готово. Тоже шевелится...

Бр-рр. Я дернул щекой. К черту воспоминания!

– Вот, мессир граф, – сказал шкипер, указывая на плиту у самых ног голема. – Еле успели «топтуна» остановить, а то бы кувыркнулись с насыпи, как... кхм, очень просто бы кувыркнулись...

У ног голема я увидел рваную выбоину, похожую на укус какого-то диковинного животного. Она начиналась от края дорожного полотна и доходила почти до его середины.

– Кто это сделал?

– Мародеры, мессир. Они часто так делают. Поливают дорогу... кхм, святой водой и вырубает куски. Заклятье выроdkов...

Я дернул щекой.

– Выроdkов?

– Э-э, Малиганов, мессир граф. Простите! Заклятье вы... Малиганов делает свинец очень прочным. «Топтун» ведь далеко не пушинка, как видите. А святая вода разрушает чары...

Шкипер помолчал и добавил:

– Потому я и говорю, мессир граф, – ситуация раздражающая. Потому что постоянно.

Свинец на месте «укуса» покрылся серой пленкой. Там, куда святая вода не попала, заклатье сохранилось – металл был гладким и почти белым. В нем, как в зеркале, отражалось пылающее – два часа дня – солнце. В небе ни облачка. Я посмотрел вперед. Раскаленная полоса Свинцовой дороги тянулась к горизонту и исчезала у подножия гор. С такого расстояния горы выглядели совсем плоскими – просто неровно вырезанные бумажные силуэты...

Над дорогой зыбким маревом дрожал воздух.

Некоторые называют Свинцовую тропу «серебряными нитями, связующими прошлое и будущее». Поэтично? Пожалуй. Только, насколько я понимаю, ремонтники называют Свинчатку гораздо грубее.

– Опять «вырвиглаз» чинить, ядрена корень, мать его перемать!

А вот, кажется, и они.

Мастер – маленький, суховатый, в строгом коричневом камзоле, трое дюжих подмастерьев – в желтых куртках с закатанными рукавами. Лица блестят от

пота. Двое несут деревянный ящик, третий – закопченный котел. За ними мальчишка лет десяти, скрючившись, тащит бадью с какой-то темной массой. Глина?

Мастер кивнул мне, словно старому знакомому. Интересные они люди, эти ремонтники... Какая-то врожденная фамильярность.

– Мессир?

– Добрый день, мастер.

Через несколько минут работа началась. Развели огонь, поставили котел, мастер с помощником обмерили выбоину, что-то начали высчитывать на пальцах и спорить. Второй подмастерье замесил глину. Ясно, сделают форму, зальют свинцом, молотками заровняют...

– Потом еще заклятье накладывать, мессир граф, – с гордостью сообщил третий, вытирая волосатые пальцы тряпкой. – Мы не выродки, но тоже кой-чего можем...

Ну, «кой-чего» многие могут. Уверен, каждый пятый в этом поезде балуется колдовством. Или – баловался по молодости лет.

– Часто такое бывает? – спросил я.

– Очень часто, мессир. Таких выщербин по всему пути до Наола – пальцев не хватит пересчитать, – сказал подмастерье. Уже не мальчик – мужчина, широкий, с рыжеватыми волосами. – Мы даже не останавливаемся, если повреждение не очень большое. А здесь... Чрево мессии! Вот чего не понимаю, мессир. Брали бы они себе свинец с краю, а на кой хаос в середку-то лезть? Ведь глупые люди...

– А на кой хаос свинец мародерам? – спросил я.

Ремонтник посмотрел на меня, как на идиота. Вмешался шкипер:

– Им нужны пули, мессир.

Как я сам не догадался?

Зона Фронтيرا постоянно находится в состоянии войны кого-то с кем-то. И за что-то. В основном – за свободу, как ни странно.

Мятежные княжества воюют за личную независимость, в которую порой изящно и непринужденно вписывается кусок-другой Наольских земель. Ур, Блистательный и Проклятый, борется за свободу Наольского герцогства. Лютеция занимается тем же самым. Мятежные князья принимают то одну сторону, то другую. Банды дезертиров и всевозможных наемников терроризируют местное население. Свинец воруют.

В общем, неразбериха полная.

Но официально – никакой войны нет. Хотя резня страшнейшая. Вспомнить хотя бы последнюю кампанию, в которой схлестнулись два военных гения: Виктор Ульпин и Роланд Дюфайе. Счет потерь шел на многие тысячи. И это одних людей. А сколько полегло мертвяков, вампиров и прочих магических созданий? Никто и не считал.

Последнее время, правда, здесь затишье. Но хаос видит, ненадолго.

Внезапно в стороне, у рощицы, мне почудилось движение. Я пригляделся. Вот, накаркал!

– Думаю, мессир граф, – сказал шкипер. Глаза у него слезились, хоть и не так сильно, как у рядовых «мокроглазых». – Скоро... кхм... скоро все будет готово...

Я посмотрел на этого идиота. На его дурацкий берет, на камзол, потемневший в под мышках. Потеешь, бедняга? Это еще цветочки.

Потом взял шкипера за плечо и развернул лицом к приближающейся опасности.

– Видите рощу, шкип? А всадников видите? Похоже, наша «срочная остановка» получила объяснение...

Из рощицы выскочили один, два... пятеро! – всадников и галопом направились к поезду. Застучали копыта. Засада! Триста шагов, двести пятьдесят, двести... Кажется, никто еще ничего не понял. Ближайший всадник вскинул руку... грохот. Белый дым. Всадник проскочил облачко, оставив дым позади. Свистнула пуля. Далеко в стороне, кажется. С такого аллюра попасть можно разве что случайно.

Бах! Ба-бах! Остальные четверо выстрелили. Почему не отвечает охрана поезда?

Вжик, вжик. Пули!

Шкипер открыл рот. Закрыл. Пригнулся и бросился к голему.

Струсил?

Ремонтники оставили инструменты и побежали через насыпь – я успел увидеть только их коричнево-желтые спины. У выщербины, рядом с глиняной формой, остался ящик со свинцовыми брусками. Котел скатился с насыпи, огонь погас.

Хаос подери! Я так точно опоздаю.

– Ах! А-а-а...

У вагонов медленно, но неуклонно поднимается вой. Крик в толпе – это огонь, охвативший валежник. Толпа вспыхивает и разгорается – тем быстрее и жарче, чем больше в ней людей. Пока в этом вое еще можно различить отдельные голоса...

– Люди добрые! Спасайся, кто может! Убивают!!!

– Вещи мои, вещи!

...но скоро они утонут в едином «а-а-а».

Идиоты.

У меня засосало под ложечкой. Ладони вспотели. Я обнажил шпагу, воткнул ее в землю и взялся за пистолет. Ничего. Я, когда напуган, стреляю лучше.

Вон тот, в шляпе с белым пером – будет первым.

Я плавно поднял руку... сейчас, сейчас, всадник окажется на мушке...

– Feuer![2 - Feuer! (фронт.) – Огонь!] – прозвучала команда, неожиданно легко перекрыв вой толпы. Охрана поезда, ландскнехты, подпустила нападающих поближе и дала залп.

БА-БАХ!

...Если опоздаю – Лота вырвет мне ноги.

Грохнуло, строй ландскнехтов окутался дымом. Всадники дружно свернули, поскакали вдоль поезда. Приближаясь к голему. Ко мне. К рваной дыре, остановившей поезд. Все пятеро живы. Бывает, хаос меня побери! Я зарычал. Солдаты, оставшись позади нападавших, деловито перезаряжали аркебузы.

Я вновь прицелился, теперь уже в приближающего всадника. Давай, Белое Перо, я уже вижу твои глаза. Давай, маленький. Ближе. Еще ближе.

Надо будет перечитать письмо. Лота...

Я нажал на спуск. Выстрел!

Резкий запах пороха. Дым защищал глаза.

...И промах.

Тот, в шляпе с белым пером, продолжал скакать, как ни в чем не бывало. С такого расстояния я видел его зубы, оскалившиеся в улыбке.

Или это гримаса ярости?

Проклятье! Я перекинул пистолет в левую руку – наподобие дубинки, правой выдернул из земли шпагу. Не слишком хорошая защита против конного бойца, но лучше, чем никакой. Зашипел сквозь зубы. Раскаленный ствол жег ладонь, но пистолет я не выпустил. Приличная длина, рукоять, утяжеленная свинцом, хороший баланс – для уличной драки в самый раз.

Как говаривал один мой знакомец из Гильдии Ангелов...

«Не пора ли проломить кому-нибудь череп?»

Словно почувствовав перемену в моем настроении, Белое Перо пришпорил коня. Теперь уже сомнений не оставалось – ко мне. Остальные всадники проскачут шагов на тридцать дальше.

В руке моего противника блеснул пистолет.

– Держитесь, мессир граф! – крикнули сзади. Я вздрогнул. Эт-то еще кто такой заботливый? Первое побуждение – обернуться. Нельзя. Белое Перо меня на копыта наматает, пока я головой вертеть буду...

Выстрел. Темнота.

Ча-пппп-пп-пп, кми-ммм-ммм-мм.

Иги-и-ппп-пппп.

Свет.

Голос:

– Он весь в крови. Переворачивайте... осторожней! Ах ты...

Темнота пришла еще раз.

Глава 2. БОЛЬ

(входит Паук)

Наверное, я слишком много выпил.

Или слишком устал, добираясь до Китара.

Или излишне позволил себе расслабиться.

А скорее – все вместе.

Так или иначе, но я прозевал момент, когда случился переход.

Лицо женщины неуловимо изменилось, глаза потемнели, пальцы скрючились. И все же я успел. Она почти достала, куда целилась – до моих глаз, но в последний момент я отдернул голову, ударившись затылком о спинку кровати, и когти лишь пропахали по щекам, сдирая ленточки кожи. Потекла кровь, перед глазами заплясали огненные сполохи.

Второй бросок девушки я встретил мощным толчком в грудь. «Паучиха» слетела с кровати и покатила по полу. Но тут же вскочила, и, схватив одеяло, попыталась набросить его мне на голову.

Одеяло с шорохом опустилось на кровать. К тому времени я, разозленный собственной оплошностью, уже стоял на ногах, сжимая в руках подушку. Шлюха закружила вокруг меня, выставив перед собой когти. Нагая, гибкая и абсолютно безумная. Жажда убийства плескалась в помутневшем зоре, в уголках губ начали закипать пузырьки пены. И еще это жуткое шипение!

Хорошо еще, что, совершив переход, они не начинают выделять яд.

Трудно поверить, что совсем недавно эта фурия, прилежно отрабатывая подомной монеты, страстно выла, стонала и царапала мне спину ногтями.

Прежде я попытался бы заговорить с ней, остановить, образумить, вернуть к реальности, но теперь знал – пустая трата времени. У «паучих» так уж устроено: страсть и спаривание завершаются убийством и пожиранием самца. Природа сильнее разума.

Иногда, правда, самцу удается отбиться и бежать...

Она, наконец, выбрала момент и прыгнула. Неудачно. Я встретил её ударом подушки. Зверюга отлетела в сторону в облаке перьев и пуха. Точно снег пошел. Комок перьев попал мне в глаза, и на мгновение я потерял девушку из виду.

Тварь выскочила справа, и когти вновь полоснули по моему лицу, сдирая кожу лохмотьями. Что-то стукнулось мне в челюсть: в последний момент я успел опустить подбородок и прикрыть горло... схватить за кадык, стиснуть его и хищно рвануть в сторону – откуда они знают, как проще всего убивать?

Я поймал «паучиху» за руку, крутанул на пятках, вынудив обежать меня по дуге, и отпустил. Раскрученная, словно камень в праще, она со всего маху ударилась о стену. Оглушенная, девушка несколько ударов сердца простояла, цепляясь за грубо оструганные доски, потом всхлипнула и медленно сползла на пол. Перья кружились вокруг нее снежными хлопьями, и со стороны зрелище представлялось совершенно безумным – нагая женщина, растаявшая посреди метели. Впрочем, мне было не до зрелищ.

Не теряя времени, я шагнул к поверженной и принялся выкручивать ей руки. Обычно я делаю это пораньше: прежде чем случится переход. Если вовремя упаковать женщину в узлы и убраться подальше, паучье проклятие оставит ее. Скорее всего, она даже не будет помнить, что произошло. А за неизбежный кавардак в комнате и за синяки на запястьях можно и доплатить. Таким образом все остаются довольны.

Жаль только, сегодня вышло не как обычно.

Очнувшись, девушка завизжала и забилась, силясь вырваться из моей хватки. Говорят, у безумцев сил прибывает втрое против обычного. Не знаю, какого рода безумие овладевает женщинами, когда они превращаются в «паучих», но вряд ли менее сильный человек, чем я, удержал бы её. Сжав пальцы лодочкой, я коротко ударил шлюхе в солнечное сплетение. Раздалось шипение, будто

прокололи бычий пузырь, и она затихла. Я завернул ей руки за спину и поволок к кровати, намереваясь разорвать покрывало на полосы и связать безумную покрепче. «Паучиха» сделала судорожный вдох и сипло задышала. Ниточка слюны, никак не желая оторваться от подбородка, свисала до пола.

Лицо саднило, я был жутко зол и едва сдерживался. Не хватало еще разорвать шлюху в клочья! Ей повезло, что я помнил, заставлял себя помнить – из нас двоих в этой комнате сейчас только я оставался человеком... хотя бы отчасти. Она же была просто самкой паука в человеческом обличье. Самкой, которая должна выполнить предписанное ей природой: убить и сожрать самца.

Я дотащил ее до кровати, еще недавно сотрясавшейся в такт нашим телам, бросил лицом вниз и уперся коленом в спину чуть выше поясницы – чтобы не дергалась. Затрещала раздираемая на лоскуты материя. Девушка слабо завопилась, вновь обретая волю к жизни и – к убийству.

– Лежи спокойно, – зачем-то сказал я.

Естественно, она меня не услышала. Но это уже ничего не меняло.

Никто не умеет пеленать свои жертвы так ловко и быстро, как пауки. Я управился лучше, чем любой заплочных дел мастер. Путы надежно стянули пленнице руки и ноги. Даже перевернуться на спину она бы не смогла.

Хоть что-то сегодня было сделано хорошо!

Остатками простыни я вытер с лица пот и кровь. Демоново отродье! Еще немного, и мои глаза сделались бы украшением её когтей.

«Паучиха» повернула голову. Бешеные глаза с неестественно расширенными зрачками прожигали меня ненавистью. Девушка открыла рот и зашипела.

«Надо бы сделать кляп, – подумал я, натягивая штаны, – а то...»

Да, это надо было сделать...

Безумный крик ввинтился в воздух. Крик, в котором не было ничего человеческого, только неизбывная ненависть, жажда крови и отчаяние. Пауки так кричат? Кричат ли они вообще?

Вот стерва! Сейчас весь бордель поднимет! Я прыгнул к девке и ладонью зажал ей рот.

Поздно. Вскоре послышался топот многих ног в коридоре и на лестнице. Неслись ругательства, кто-то кого-то звал, кто-то сыпал проклятьями, раздалось несколько испуганных женских возгласов, некий бас стал выяснять, что тут, к демонам, происходит?! И вот уже все это приближается к нашей убогой комнатухе.

Пистолет! Я потянулся было за оружием, но проклятая тварь вдруг исхитрилась вцепиться в мой большой палец с такой силой, что едва не перекусила его! Рывок стащил девушку на пол, кровь потекла по губам, но «паучиха» всё равно не разжимала зубов.

В дверь уже били плечом, и хлипенький засов едва ли мог пережить несколько ударов.

Рыча от боли, я свободной рукой взял безумную за нижнюю челюсть, сдавил пальцами с двух сторон так, что хватка разжалась сама собой. Девушка исходила пеной от бешенства. Я толкнул её обратно на кровать, усилием воли подавив желание свернуть эту тонкую шею. Повернулся к своим вещам...

...и уставился в круглое дуло старомодного пистоля, уверенно целящего мне аккурат между глаз. По другую сторону пистолета находился здоровенный детина. Неровно стриженные русые волосы торчали во все стороны. На поясе у него висела небольшая дубинка, обтянутая кожей. Местный вышибала.

– Вот как, господин хороший? Портим, значит, чужой товар? – хрипло спросил детина.

Топот в коридоре усилился, за спиной вышибалы выросло несколько одинаковых рож – широких, краснощеких и довольно туповатых.

Вот и гвардия подросла.

– Любим, значит, девиц бить и связанными потчевать? А платить за это, значит, не любим?

– Глянь, перья кругом! И одеяло разорвал! – встряла одна из рож. – Порча имущества! За такое дело надо этот, как его... штраф! Гони штраф, образина разрисованная!

Остальные радостно загудели, предвкушая развлечение и поживу. Оправдываться было бессмысленно. Во-первых, никто не поверит. А во-вторых, никто просто не станет слушать.

Я понимал, кого они видели перед собой – полуголого, татуированного с ног до головы варвара с серьгой в ухе; с волосами, заплетенными на килийский манер в толстую короткую косу. Бродяга, перекасти-поле, которого, случись что, никто не станет искать. Такого можно безнаказанно избить – был бы повод (а можно и без него!), ограбить да еще и сдать местному префекту, как разбойника, портящего чужое «имущество». Я сжал кулаки, прикидывая расстояние до своих вещей. Конечно, вышибал всего четверо, но огневая мощь никогда не помешает. Тем более что у противников она имелаась.

– Да убери громобой, Пека! – хлопнул вышибалу по плечу кто-то из-за спины. – Нечего стражу привлекать. И без того его разрисуем.

– Со всем старанием! – вставил требовавший «штраха».

Не знаю, зачем, но я сделал попытку остановить дальнейшее.

– Я заплачу.

– Ага... заплатишь, канешна! Куда тебе деться-то?

Здоровяки – каждый выше меня на голову и едва ли уже в плечах, шагнули через порог, и в комнате сразу стало тесно. В дверях толпились любопытные – клиенты борделя и их полуголые подружки. Еще бы, такое зрелище!

Двое вышибал поигрывали дубинками, остальные напоказ сжимали и разжимали внушительных размеров кулаки, украшенные рубцами, красноречиво говорившими о славном боевом прошлом их хозяев. А вот шрамов на рожах и телах у всей четверки было вдвое меньше против моего. Привыкли бить толпой и не получать отпора, ублюдки!

Сейчас это недоразумение будет исправлено.

Я прищурился, вбирая в себя пространство вокруг, опутывая его невидимой паутиной. Стекланные нити, доступные лишь моему взору, прошили воздух, свили в нем узоры; узлами и причудливыми переплетениями обозначили точки, куда будут перемещаться мои мухи, куда они будут бить, куда отлетать и падать. Я соткал паутину схватки и предрешил её исход задолго до того, как вышибалы разошлись в разные стороны (в точном соответствии со стекланными узорами), готовясь броситься на меня с разных сторон, всем скопом.

Я – Паук, ткать – мое призвание. Ткать, ловить и уничтожать!

Я улыбнулся.

«Откликнись, раб! Твой Мастер призывает тебя!»

Голос Творца прогремел с такой силой, что я вскрикнул и схватился за виски. Пальцы оплели голову, стиснули ее, казалось, череп разлетится на куски, не выдержав присутствия. Паутина боя дрогнула и растаяла, как дым. Девуцы в дверном проеме замолчали. Детины недоуменно замерли и начали переглядываться.

«Откликнись, раб! Я ищущу силы твоего Тотема!»

В голосе Творца появилось раздражение. Боль выгнула меня дугой. В голову вкручивался раскаленный до красна железный штопор, выжигая мысли, чувства, сознание.

– Здесь! Я здесь! Я слышу тебя! – закричал я.

Связанная «паучиха» тоже ощутила присутствие Мастера Тотемов. Она завизжала и забилась. Веревки обдирали ей кожу на запястьях и лодыжках, но она продолжала кричать и дергаться.

– Не так громко! – простонал я.

– Помешанный, – с опаской сказал один из вышибал. – И она тоже.

– Не-е. За дураков нас держит.

«Пришло время еще раз использовать твой Тотем во славу и во имя Сагаразат-Каддаха. Ты должен...»

– Вот ублюдок! – Пека, вышибала с пистолем, шагнул ко мне и, коротко замахнувшись, опустил дубинку.

В последний момент я успел – инстинкты не подвели – подставить под удар руку. Кость сухо хрустнула, вспышка боли на мгновение заглушила голос Творца, и рука плетью повисла вдоль тела.

Второй удар пришел сбоку – тяжеленный кулак врезал под ребра. Дыхание пресеклось, я упал на колени.

«Через три дня ты должен быть в...»

Набирающий силу гнев Творца наполнял всё мое существо болью. Не было силы терпеть, не было воли сопротивляться. Ни ему, ни им.

– Я не могу!

Меня прервали.

Удар башмаком в живот – что может быть лучше? Желудок сразу подскочил к горлу, рот наполнился рвотой. Я закашлялся и скорчился на полу. Скорее в силу привычки, нежели осознанно, подтянул ноги к подбородку, стараясь уберечь внутренности, и левой, еще послушной рукой закрыл голову.

Вовремя. Удары посыпались градом – частые, не особо умелые, зато от души. Если так будет продолжаться, меня просто превратят в кровавую отбивную.

«Ты смеешь мне перечить?! Мне, своему Мастеру?! Ты будешь наказан, раб!»

Эта боль многократно превосходила ту, что причиняли удары.

Вышибалы были слишком увлечены нехитрым развлечением, чтобы заметить, как оживает мой Тотем – моя сила и мое проклятье. Как широкие, в два пальца, полосы татуировки-паутины начинают двигаться по коже, сужаться, сжимаясь вокруг моего тела бронзовыми обручами, душа, стискивая ребра, грозя раздавить, а то и разрезать меня на части.

Больно, боги, как больно...

– Я не перечил! Я в бою! Меня убивают! – из последних сил закричал я.

Страшно было не умирать. Страшно было отдать, наконец, однажды заложенную душу.

Рано или поздно это должно случиться, но лучше пусть будет поздно! Много позже!

– Вы ломаете собственное оружие!

Он услышал.

Тотем прекратил убийственное движение. Татуировка вновь стала просто татуировкой – черные полосы на коже, варварская причуда. Сознание прояснилось, и боль, вызываемая присутствием Мастера, исчезла.

Увы, теперь это не играло роли. Сопротивляться я уже не мог. Вышибалы сломали мне правую руку и несколько ребер – они впились в нутро, точно иззубренные кинжалы. Нос свернули набок, я захлебывался собственной кровью.

Они разделали меня. Схватка закончилась, не успев начаться. Паука просто раздавили. Теперь оставалось только сдохнуть, валяясь под ногами четверки

тупоумных громил. Но это все же лучше, чем если бы Тотем...

– Стойте! Стойте, а то мы прибьем его!

Меня пнули еще несколько раз, но уже несильно – скорее для порядка.

– Значит, трупы в нашем благородном заведении на хрен никому не нужны, – рассудительно сказал Пека. – Господин префект и так на нас косо смотрит. Потому я думаю вот че. Вышвырнуть, значит, этого в канаву, и дело с концом.

– А энто все – штраф!

Главный защитник «имущества» уже копался в моих вещах.

– О! Глядите, какой кинжал! С письменами на клинке!

– Тащите его отсюда!

Меня подхватили под руки и поволокли. «Паучиха» билась на кровати и надрывно кричала – пока Пека не отвесил ей оплеуху.

Сломанные ребра горели огнем, но я стиснул зубы и молчал, не желая доставлять удовольствие ублюдкам сверх полученного. Когда волочившиеся по полу ноги запрыгали по ступенькам, в моем животе взорвался чугунный шар, начиненный ржавыми иглами и гвоздями. Я провалился в темноту. Но даже там боль оставалась – тупая, режущая, горячая...

Глава 3. ПОЛНОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС

(Генри)

Уто Атшеллер знал – Гильдия ошибок не прощает. Застрелить дворянина, причем такого, что за билет платит золотом и пытается этот поезд еще и

защитить...

Шкипер – убийца пассажира? М-да.

Пистолет был тяжеленный – зато четыре ствола. Каретный пистоль, хаос подери! Шкипер держал оружие в руках и не мог поверить в случившееся. День не сложился. Карьера накрылась свинцовой плитой.

И что теперь делать?!

Шкипер перевел взгляд на свои руки, вспомнил о пистолете... уронил его на землю. Пошел вперед. Туда, где столпились люди.

– Живой? – раздавались голоса.

– Да брось. После такого не выживают.

– Кровищи-то...

Уто слегка пошатывало.

Лошадь – животное нервное, на живого человека вряд ли наступит, но – кто знает? После того, как нелепый (случайный! глупейший!) выстрел свалил графа, она промчалась по упавшему. Если лошадь наступила... Впрочем, что сломанные ребра по сравнению с пулей в затылке? Ничего.

Мозги – это мозги. Их никакой благодатью заново не отрастишь.

«Я целился в мародера, – беззвучно сказал Уто. – Я целился... слышите, вы?!»

Солдаты успели дать еще два залпа. Напрасно. Всадники скрылись в роще. Преследовать их никто не решился. Перестреляют как куропаток, да еще и посмеются... Дурачье, куда лезете?!

Обидно.

Шкипер протиснулся сквозь строй любопытных. Наступил на чью-то ногу. Женщина открыла рот, но, поймав взгляд Уто, скандалить передумала. Правильное решение. Атшеллер сдерживался из последних сил.

Над лежавшим склонился толстяк Кенцаллоне. Цирюльник был свой, гильдейский, если что – постарается прикрыть, но... Толстяк суеился, отдавал приказы, темный кафтан обтягивал дородное тело. Шкипер сделал еще шаг и заглянул цирюльнику через плечо.

Надменный он был, этот граф. Доигрался. Придется отправлять весточку родным. Так и так... представился ваш любимый Генри... Под поезд попал.

Где, интересно, находится этот проклятый Тассел?

Шкипер заглянул – и сразу отошел, борясь с дурнотой. Граф выглядел плохо – насколько плохо может выглядеть человек, которому выстрелили в затылок. Пуля, выпущенная с расстояния в восемь шагов – и в голову? Молодец, Уто. Идеальный выстрел. Даже допросить такой труп невозможно, не то, что оживить. Родственникам заботы меньше, родственники будут довольны... Во сколько обойдутся услуги некроманта?

Сарказм не помогал.

Уто представил, о чем судачат сейчас в вагонах – и ему стало еще хуже. А о чем еще?

– А шкипер-то у нас, оказывается, герой...

– Во-о-от такого гуся подстрелил.

– ...зия, – сказал подошедший цирюльник.

Шкипер вскинул голову. Резко, словно пытался свернуть себе шею.

– Что вы сказали, господин Кенцаллоне?

– Максимум – контузия, – повторил цирюльник. Толстые щеки, карие глаза и четыре подбородка, не меньше.

– Что?!

– Я говорю, в рубашке граф родился. Или череп у него – дай бог всякому. Пуля срикошетила... представляете, шкип? О затылочную кость. Чиркнула и дальше полетела. Кусок кожи сорвала – отсюда и кровища. Чудеса да и только! Вы, шкип, не расстраивайтесь. Гильдия, конечно, все это дело тщательно расследует... но я думаю, все будет хорошо. В конце концов, я графу жизнь спас, – закончил цирюльник невпопад.

– Контузия?

– Да-да, шкип. Я же говорю...

Шкипер в эту секунду готов был расцеловать болтливого толстяка во все четыре лоснящихся подбородка...

Смачно. Крепко. От души.

Да хоть в тридцать четыре подбородка...

Доставлено: 18 июля 1676

Форма доставки: одержимость (временная)

Ответственный лоя: Мгембе

Мой милый Р.!

Прошло уже четыре года с того дня, как мы виделись с тобой в последний раз. Не скажу, что наше расставание было теплым (а ты скажешь?), но ты сам виноват: разве можно злить женщину, упорствуя в мелочах? Мужчины!

Повелевайте в делах in grosse, мы и слова не скажем, а дела малые – in kleine – оставьте слабому женскому разумению. Мужчина должен желать невозможного. Мы, женщины, простим мужчинам многое, – даже небрежение! – но только не скромность в мыслях. Как выразился однажды известный тебе Виктор, у мужчины должно быть «священное безумие замыслов». И никак иначе.

Милый Р., пойми, всегдашняя твоя жажда справедливости – при всей ее драматичности, – была и остается всего лишь жаждой справедливости для одного. А этого, увы, маловато для величия. Было бы лучше – для тебя и всех нас – если бы эта жажда уступила место другой, не менее благородной страсти. Я говорю о долге перед семьей. Восстановить величие нашей семьи – вот истинное дело in grosse. И даже ingrosseaussgrossen[З - ingrosse (фронт.) – в великом, inkleine (фронт.) – в малом, ingrosseaussgrossen (фронт.) – в великом из великих (не совсем правильные выражения, так как используется искаженный фронтирский)]. Мой храбрый Р., я уверена, на этом поприще ты обретишь то высокое звание, которого достоин.

Элжерон говорит: время пришло. Согласись, милый Р., он редко ошибается. Даже ты, несмотря на твою нелюбовь по отношению к Э., должен это признать.

Заклинаю, забудь обиды, что нанесла тебе семья и некоторые из наших с тобой родственников! Прошу, будь выше этого!

Маран сказал, что теперь ты знаменитость. Правда ли это? Я не могу слепо полагаться на слова М. – тебе ведь известно, какое у него великолепное чувство юмора? Даже если это правда, ты достоин большего. Не изменяй заложенному в тебе величию! Умоляю.

У меня все хорошо. Я вышла замуж и вполне счастлива. Не думай, что от нового мужа ты избавишь меня так же легко, как от прежнего.

У Рэндома сейчас трудное время. У него режется талант и Маран отвел его вниз. Сам знаешь, как это мучительно – да пошлет хаос мальчику сил! Я за него волнуюсь. Кстати, Рэндом – вылитая Ирэн, только глаза твои.

Жду тебя в Наоле. С момента отправления этого письма и до моего отъезда пройдет ровно шесть дней и десять часов. Постарайся успеть.

Возвращайся, Ри!

С надеждой,

Твоя Лота, баронесса Хантер

P.S. Прости, но обстоятельства вынуждают меня воспользоваться таким способом доставки. Надеюсь, ты поймешь и не очень обидишься.

P.P.S. И только попробуй, засранец, не приехать!

Лота бы сказала: тщеславный зазнайка. Или того хуже: идиот.

Потому что только идиоты выпрямляются в полный рост и ждут, когда их подстрелят. Я гордо торчал столбом между Белым Пером и шкипером с компанией. Еще и шпагой размахивал...

Идиот. Зазнайка.

«Держитесь, мессир!», закричал шкипер. Он оказался лучше, чем я о нем думал. Шкипер сбегал за подмогой. Вернулся с аркебузой, солдатами из охраны поезда, тремя дворянами – они укрылись при первых выстрелах в служебном вагоне – и двумя слугами. Из оружия, кроме алебард – пара пистолетов, несколько шпаг, рапира и – еще один пистолет. Зато так называемый «каретный». Тяжелый, как не всякая аркебуза, с четырьмя стволами...

И не очень точный.

Впрочем, об этом я узнал позже.

Чап-п-п-п-п-п, кним-м-м-м-м-м.

Иги-ип-п-п-п-п-п.

Куда-то бесшумно уплыла земля. Желто-зеленое сменилось голубым. Оно было чистым, ярким и глубоким. Очень ярким и очень глубоким. Сквозь стеклянный небосвод, казалось, просвечивают звезды.

– Загадай желание, дурачок, – сказали звезды голосом Лоты. – Не так уж часто ты нас видишь...

В следующий момент их закрыла тень.

Надо мной медленно проплывало конское брюхо. Ремень подпруги, стремя – почему-то я видел только правое. Черная подошва с налипшими раздавленными травинками, шляпки гвоздей запачканы зеленым соком. Проплешины в конской шкуре... бледные, свалывшаяся шерсть – там, где натер ремень. Я видел все детали – все сразу. Я видел все изъяны, но они не казались мне изъянами – скорее наоборот. Мгновение чистоты. В этот момент я мог бы объять взглядом весь мир – и принимал его весь, без остатка.

И еще я увидел лицо. Всадник смотрел на меня сверху. Долго-долго, почти вечность. Детали. Прищуренные глаза, впалые щеки... нос... усы... шрам... опять глаза... гла-гла-гла-глааз-зааа...

Я моргнул. Лицо казалось прозрачным. Сквозь конское брюхо просвечивали звезды...

Крашеное стекло.

Аа-ап!

Мгновение чистоты закончилось.

Пришла темнота.

Однажды, много лет назад, пришел Древоточец, чтобы отвести меня вниз.

Два дня перед этим у меня болела голова, я почти не спал и ничего не ел. Большую часть времени я лежал, уткнувшись лицом в подушку и обхватив

руками затылок. Иногда меня тошнило, хотя желудок был пуст. Я сплевывал горькую желтую слизь и думал, что умру. Мне исполнилось тогда восемь лет.

Покои матери находились в западном крыле – единственной части Логова, которая возвышалась над поверхностью земли. Когда много лет назад взрыв уничтожил твердыню клана, крыло чудом уцелело. Из шести башен осталась одна. В ней держали оборону остатки клана под предводительством Древоточца. Марана Древоточца, который стоял теперь у окна и смотрел на море. Над шумом прибоя метался чайный крик.

– Вставай, мальчик, – сказал Маран.

Пока Маран оборонял западное крыло, остальные уцелевшие укрылись в каменоломнях под Логовом. Там, куда меня собирались отвести.

– Пора. – Древоточец отвернулся от окна, посмотрел на меня. Солнечный свет падал ему на лицо. Изрытое оспинами, оно было серьезным. Вообще-то, дядя редко бывает таким. Глядя на его обычную ухмылку, трудно поверить, что когда-то Маран несколько часов сдерживал атаки врагов. К тому времени почти весь клан был истреблен, команды противника зачищали развалины Логова (то есть, добивали раненых), но такого яростного сопротивления они не ожидали. Маран доказал, что наша семья умеет драться.

Конечно, не один Маран доказал – но он был главным. Кузен Френсис говорит: «Врагов отогнали глупые шутки дяди». Кузен Френсис – дурак, хотя и старше меня на сто сорок два года. Шутки у дяди грубые, но смешные. А смех Марана напоминает звук, с которым буря ломает дерево.

Но я уже видел дядю серьезным. В тот день он пришел за Гэвином. Сегодня – за мной.

– Хорошо, дядя Маран, – сказал я сквозь туман. – Я сейчас встану, дядя Маран. Вот сейчас...

Комната передо мной раскачивалась. Белый густой туман казался морем, в котором комод и шкаф возвышались, как экзотические острова.

– Встал, дядя Маран.

Кенцаллоне хоть и был говорлив без меры, но дело знал. Графа перевязали, уложили в кровать и приставили сиделку. Благо размер комнаты в «золотом» вагоне позволяет даже эребского слона перевезти, если понадобится. Или Мятежного князя со свитой, что немногим слона лучше. По крайней мере, слон не станет ломиться к соседу глубокой ночью, требуя признать независимость государства площадью с деревенский амбар.

Да и гадит слон, в сущности, гораздо меньше...

Уто целый день просидел у ложа больного. Граф дышал тяжело, с отчетливым хрипом. В сознание не приходил. Атшеллер терпеливо ждал. Первоначальная радость – жив проклятый Тассел! – у шкипера прошла. Да, пока жив. И что?

А если сейчас умрет?

Остановится сердце. Засохшая кровь по жилам дойдет до мозга. Сломанное ребро проткнет легкое.

Или проклятый граф вообще не проснется. Что тогда?

Уто понимал: он всецело зависит теперь от этого человека – который дергается в бреду, дышит с хрипом и выглядит, как сверток с отбивной.

Шкипер знал это и начинал графа ненавидеть. Отослав сиделку, он до темноты просидел рядом, ловя каждое движение больного. Ничего. Каждые полчаса приходил Кенцаллоне. Обтирал графа водой с уксусом, потом ставил свечи, рисовал пентаграммы на полу, что-то шептал. Ничего не происходило. Уто смотрел, как суетится толстяк (а с каждым разом тот суетился все меньше), и думал, что до настоящего мага-целителя этому болтуну – как пешком отсюда до Тортар-Эреба.

Кенцаллоне делал все что мог, но – как мало он мог!

Наступила ночь. Шкипер ждал, сам не зная, чего. За окнами проплывали черные поля, мелькали огоньки деревень. Вагон мягко покачивался. Тихий перестук. Специальное заклинание заглушает грохот шагов голема. До Китара еще примерно сутки хода...

До Китара и тамошних Церквей.

«Давай же, держись! Осталось не так долго».

А потом граф сел на кровати. Открыл глаза. Воспаленные, с лопнувшими сосудами, левый – с черным сгустком запекшейся крови. Этот жуткий глаз смотрел на шкипера с холодной отрешенностью.

Уто замер, боясь пошевелиться.

Граф разлепил губы и заговорил...

Дядя повернулся. Короткое быстрое движение – в его ладони оказался глиняный человечек. У человечка были настоящие клыки (волчьи, найдены в одной из бесчисленных маминых шкатулок) и дурной характер. Человечек ворочался в ладони Марана и верещал. На удивление противно.

– Ты кто? – спросил дядя у человечка. Визг стал громче.

– Это Король-Дурман! – я боялся, что Маран сожмет пальцы и раздавит глиняную фигурку. – Высший вампир, лорд-повелитель Армии Тьмы.

Король-Дурман был выкрашен в зеленый цвет. Правда, уже после оживления. Мне так не терпелось увидеть короля вампиров в бою, что я помчался к Гэвину, не доделав фигурку до конца. Поэтому краска легла неровно. Маленький голем не мог ни минуты усидеть спокойно. А еще пребольно кусался.

– Ох!

Маран потряс ладонью. На ней остались следы клыков – на удивление острых. Король-Дурман тем временем удирал через комнату, надеясь спрятаться в

коробках с игрушками. Неплохая идея, оценил я. Попробуй, найди его в этой куче.

Коротенькие крылья за спиной человечка бились в бешеном ритме. Летать он не мог (моя недоработка), но бег из-за крыльев получился дерганный.

«Скорее!» – мысленно подбадривал я короля.

Дядя поднял брови. Покопился на меня. Ухмыльнулся. Потом сделал движение ладонью...

Навстречу моему творению поднялся розовый тряпичный зайчик.

Длинные вялые уши, тупая морда – я всегда недолюбливал эту игрушку. Зайчик встал на задние лапы, словно был человеком. Черные глаза-пуговицы смотрели серьезно, даже с некоторым высокомерием.

Зайчик почесал лапой нос.

Повадками и позой ушастый напоминал кого-то очень знакомого...

– Так нечестно, дядя! – крикнул я. Маран усмехнулся.

Король вампиров остановился перед преградой. Розовый гигант (раз в пять крупнее короля) смотрел на зеленого человечка с нехорошим выражением морды.

– Дурман, беги!

Зайчик ударил. Но за миг до того, как пухлая розовая лапа накрыла короля, тот отпрыгнул в сторону. Крылья отчаянно затрепетали... Удар!

И промах.

Король-Дурман заверещал.

– Вот везучий сукин сын! – сказал дядя.

Воистину, было в дяде нечто завораживающее.

Маран не стеснялся плохих слов. Даже при нас, детях. И держался как старший, но без снисхождения – хотя называл «мальчиками» и «девочками». Впрочем, кузена Фрэнсиса он тоже называл «мальчик». Отчего авторитет Марана среди мальчишек клана поднялся совсем уж на заоблачную высоту.

– Хорошая работа, – сказал Маран. От похвалы у меня закружилась голова. – Кто сделал этого убийцу розовых зайчиков?

– Я.

– Сам? – дядя внимательно посмотрел на меня. – А помогал кто?

Несколько мгновений я боролся с искушением. Я! Я один его сделал, дядя Маран!.. Меня хвалите!

– Гэвин, – признался я.

– Хорошая работа, – сказал дядя. – Вы молодцы.

В один прекрасный день у Гэвина заболела голова, он стонал и метался. Бредил каким-то белым туманом. Затем пришел Маран, чтобы увести брата вниз.

Гэвин вернулся через неделю, осунувшийся и повзрослевший.

До этого у него было круглое лицо, а на щеках, когда он улыбался, появлялись ямочки.

Гэвин перестал улыбаться. Никаких ямочек. Стал другим. Серьезным. Больше никаких игр. Разве что из вежливости. Никаких оживающих человечков. Теперь ему было чем заняться...

Теперь у него был Талант.

А потом голова заболела у меня.

Граф открыл воспаленные глаза, посмотрел на шкипера.

– П-письмо, – сказал граф.

– Л-лота, – сказал граф.

– М-мост, – сказал граф.

И, кажется, сам этому удивился.

Я ощущал боль, как расщелину. Мрачную и такую глубокую, что не видно дна. С двух сторон она окружена скалами. Над расщелиной горбится деревянный мост – старый и зыбкий. Казалось, ступи на него шаг – он будет стоять, ступи два – дерево заскрипит, но выдержит. И лишь когда тебе покажется, что мост пройден, остался один последний шаг и пропасть уже не страшна... В тот самый миг, когда мыслью ты уже там, рядом с черным корявым деревом, а тело – тело вот-вот догонит...

В тот самый миг мост рухнет.

Пропасть, над которой в белом тумане кружатся тени – пропасть боли и страха, жарких кошмаров и горячечного бреда – она примет тебя.

И понесется навстречу.

Ты закричишь. И будешь кричать, падая. Будешь кричать, умоляя. Будешь кричать до тех пор, пока не проснешься утром...

В поту. На измятой постели.

С минуту граф изучал свое отражение. Чтобы не упасть, ему пришлось упереться ладонями в зеркальную поверхность. И все равно он с трудом держался на ногах. Графа била дрожь.

Уто ждал.

Раненый оторвал правую руку от зеркала и коснулся повязки. В глазах мелькнуло недоумение. На лбу бинты пожелтели от пота, а красное пятно на затылке он видеть не мог.

Шкипер прочистил горло.

Тассел повернул голову и посмотрел на Уто. Опять равнодушный глаз с черным пятном. Шкипер поежился.

– Мессир граф, кхм... понимаете... ваша рана... лекарь не позволил...

Уто хотел добавить «велел лежать», но натолкнулся на взгляд раненого. Прикусил язык.

Молчание.

– М-мой с-сундук, – выговорил граф с усилием. Голос был хриплый, на лбу выступили жилы. – Ш-шев-велись.

– Встал, дядя Маран.

Древоточец посмотрел на меня.

Потом что-то спросил. Слова доносились сквозь белый туман. Дяде придется говорить громче...

– Кто наши враги? – повторил Маран. Теперь я услышал.

Я молчал. В моей голове начался камнепад. Один маленький камешек вызвал целый поток. Теперь в расщелину летели огромные валуны. Затылок раскалывался.

– Мальчик! – снова позвал меня Древоточец. Без тени раздражения. – Вспомни, чему тебя учили.

– Враги...

– Просто назови.

Я усилием воли отогнал туман:

– Наши враги, это... Морганы...

– Да, – сказал Маран.

– Морганы, – повторил я. – Красные тени. Треверсы. Мастера Тотемов. И самые главные – Слотеры.

– Правильно, – сказал дядя. – Еще один вопрос, мальчик – и можем идти... Почему мы ненавидим Слотеров?

Я же знаю. Я должен помнить! Если бы так не болела голова...

– Потому что... они...

– Мальчик, это простой вопрос. Успокойся. Сосредоточься. Ты знаешь ответ. Почему мы ненавидим Слотеров?

– Потому что враги... – я вспомнил. Конечно! – Слотеры разрушили Джотту!

– Правильно, – сказал Маран. – Разрушили Камень-Сердце... – в голосе Марана была печаль – словно Джотта был дорогим ему человеком, а не каменной глыбой. – А теперь – самое интересное. Ты готов?

«Нет, – подумал я. – Оставьте меня в покое!»

– Приключения начинаются, – сказал дядя. Он снял с пояса и протянул мне серебряную фляжку. – Сделай три глотка. Это снимет боль.

– Это заклинание? – спросил я.

– Лучше. Это бренди.

Когда Уто вытащил сундук из шкафа и, повинувшись указаниям графа, открыл тяжелую крышку – что-то изменилось. У шкипера возникло ощущение, что кроме них с Тасселом, в комнате есть кто-то еще...

Кто-то, не слишком дружелюбный.

Граф, сидя на кровати, закутался в одеяло. Через томительную паузу он склонил голову – словно приветствуя старого знакомого... и ощущение исчезло. Уто перевел дыхание.

В сундуке была книга в обложке красного бархата. Были коробочки различной формы и склянки с жидкостями. Связка церковных свечей – черных и белых. Бутылки зеленого стекла, в таких обычно держат крепкую выпивку. Несмотря на жару, бутылка казалась запотевшей...

И еще там была высушенная крошечная голова в запаянной колбе.

Можно было догадаться, подумал Уто. Смутное время диктует свою моду. Аристократы увлекаются магией дикарских островов, а варвары носят шляпы...

Шкиперу вспомнился тот рыцарь из Лютеции, который путешествовал с целой бандой гейворийцев. Варвары были в фиолетовых камзолах и в шляпах, украшенных стигмами. Словно цивилизованные люди! Если мартышек нарядить в человеческую одежду, они все равно останутся мартышками. Держались варвары нагло и вызывающе. Ладони вечно на рукоятях мечей. Еще бы! Лютецианец им многое позволял. Ублюдок.

И ехал дворянин, кажется, в этом же вагоне.

Уто огляделся. Верно. Только в соседней комнате. Она, вроде бы, сейчас пустует.

– Д-дай, – сказал Тассел.

Шкипер повиновался. Бутыль была холодной и очень тяжелой – словно вместо вина туда залили ртуть.

«У меня в поезде – колдун, подумал Уто. А я все хотел дотянуть до Китара...»

Тассел глотнул из запотевшей бутылки. Тут же выпитое полилось ему на грудь.

Попадая на кожу, темная жидкость превращалась в пар.

– Х-хаос п-по... п-по-ддери, – сказал граф. Губы у него дрожали. Заикался граф все сильнее.

«Всего лишь контузия? – подумал Уто. – Всего лишь?»

– Как твоя голова? – спросил Маран через полчаса.

Я ответил: «Хорошо, дядя». Когда я открыл фляжку – пахнуло горячим металлом. Первый глоток обжег губы. Остальные – едва не сожгли горло. В желудке набух раскаленный шар. Я стонал и плакал.

А потом шар взорвался.

И мне стало лучше.

– В незнакомом месте, – сказал Маран, поднимая фонарь повыше, – всегда держись левой стены.

В пятне тусклого света видна грубая кирпичная кладка. Фонарь масляный, самый простой, потому что другие здесь бесполезны. Как ни странно,

подземелье Логова – одно из самых немагических мест Ура, Блистательного и Проклятого...

Вернее, здесь магия работает не так, как было задумано.

Слишком древняя постройка, объяснил Маран, когда мы начали спуск. Под Логовом еще до взрыва существовал целый подземный город. Веками здесь добывали камень для постройки верхнего замка. В получившихся катакомбах размещали лаборатории и склады ингредиентов.

А вслед за своими пробирками потянулись и маги.

Мы шли практически в полной темноте. Фонарь Маран взял скорее для моего спокойствия, чем для собственного удобства. Шел дядя размеренно, ориентировался уверенно. Потом вообще передал фонарь мне. Тот был тяжелым... но я почувствовал себя лучше.

Мы свернули за угол.

И увидели свет. Настоящий солнечный свет!

Я стоял ослепленный и обрадованный. В тот момент я даже не вспомнил, что мы с Мараном находимся глубоко под землей.

– Портальная Стрелка, – сказал Маран. – Только не вздумай залезть в одно из этих окон, мальчик.

– Почему?

Они выглядели так привлекательно.

– Ну, во-первых, ты умрешь, – сказал дядя. – Или превратишься в уроды. Положим, задница на месте головы тебя не пугает... Пугает? – дядя посмотрел на меня, усмехнулся. – Смотри-ка. Во-вторых, даже уроду не стоит падать с такой высоты.

– Высоты?

– Подойди и увидишь, мальчик. Да... если попробуешь сунуть пальцы – не проси их потом тебе приделать.

За первым окном – высоким, арочной формы – был день. Ясное небо и легкие прозрачные облака. Никакой земли не видно. Только шпили каких-то башен. Вот если бы взобраться повыше... Но как? Помня слова дяди, я опасался даже прикоснуться к позеленевшей бронзовой решетке. Глаза болели от яркого света.

Подошел Маран, посмотрел, хмыкнул. И не успел я опомниться, как оказался у него на плечах.

Теперь я увидел землю. Словно окно было в высокой башне – я смотрел сверху на площадь большого города. Площадь жила, клекотала и двигалась. Беззвучно кричали разносчики газет и уличные торговцы. Проехал големобиль – герба не рассмотреть, но, наверное, это спешил по своим делам кто-то очень важный. Шли люди. Из-за угла появилась карета, кучер в круглой шляпе...

Появились два стражника в синих камзолах, с алебардами в руках. Потом я посмотрел выше и увидел вдали темный замок, над которым плясали черные молнии. Стоп. Это же... обиталище Слотеров?!

– Ты видишь Ур, Блистательный и Проклятый, – сказал дядя. – Полуденное окно выходит на Мясничную площадь. В этом окне всегда день и всегда двенадцать часов. Но только для того, кто смотрит. Даже когда в Уре ночь – здесь все освещено полуденным солнцем. А вот людей ночью нет, если не считать случайных прохожих... Смешно, мальчик. Вор крадется в темноте – а здесь его видишь, как на ладони.

– А другое окно?

Маран хмыкнул.

– Рассветное окно. Бесплезное! В Полуденное хоть можно шпионить за кем-нибудь. А в том... – он махнул рукой. – Никто не знает, куда оно ведет.

Дядя со мной на плечах подошел к Рассветному. Оно было ниже и проще. Проем четырехугольной формы, без всяких украшений. Выложен красным кирпичом –

потемневшим и растрескавшимся от времени.

– Окна – древнейшие порталы из существующих в Уре, – сказал Маран. – В мое время их было больше... Давай, мальчик, смотри, и пойдем дальше.

Логово столетиями достраивалось и расширялось. А потом, в один прекрасный момент, взрыв уничтожил верхний замок, а на месте подземной части образовалась гигантская воронка. Уцелела старая часть катакомб и Западное крыло.

В порталной Стрелке осталось два окна из двадцати восьми.

В одном из них был залитый солнцем Ур, Блистательный и Проклятый – город колдунов и некромантов, город, в котором Древняя кровь чувствовала себя как дома.

В другом окне был виден морской берег в неведомой стране... И самый ошеломительный рассвет в моей жизни.

– Ч-что сслу-ч-чилось? – спросил граф.

«Вот оно», – подумал Уто. Неприятно засосало под ложечкой. Шкипер взял стул, поставил рядом с кроватью. Сел, перевел дыхание и – начал рассказывать. Граф слушал. Губы у него дрожали. Тассел, кажется, этого даже не замечал.

Шкипер закончил рассказ. Посмотрел на графа. Тот молчал. Затем поднял руку и коснулся повязки. Принялся ее разматывать.

– В-вон! – сказал Тассел, не глядя на шкипера.

Уто встал и подумал: «Тассел, ты такой же ублюдок, как все аристократы... но, в отличие от остальных, ты имеешь на это право».

Рассвет на морском берегу в неведомой стране. Рассвет, словно нарисованный на дощечке вишневого дерева и покрытый лаком... Волны набегали на берег и откатывались назад, слизывая песок – расслабленно, в томительной истоме. «Не очень ш-ш-ш и хотелось, – говорили они. – В другой ш-ш-ш раз». Море в свете зари казалось черным и густым, как сантагское вино.

У самой кромки прибоя, на возвышенности, торчало сухое дерево, похожее на рыболовный крючок.

– Пошли, мальчик, – сказал дядя. – Потом насмотришься.

– Чертог тысячи голосов, – сказал Маран, понизив голос. Но все равно казалось, что кто-то повторяет сказанное – только громким шепотом. В темных углах затаились тени и – дразнятся:

Тысячи, тысячи, тысячи, тысячи...

Голосов, голосов, сов, сов, голо, сов, совголосов...

Повторяли мужские и женские голоса. Голоса детей. Старчески дребезжащие. С иноземным акцентом. Шепелявые. С присвистом. С чудовищным шипением, словно гортань, породившая эти звуки, не была человеческой. С рычанием. С яростью. С болью. С ненавистью. Голоса, в которых звучала смертная тоска умирающего...

...С-О-О-ОВ!

Добавился еще один голос. Был он настолько низок и раскатист, что, казалось, от него вибрируют кости. Звук идет из земли. Входит через пятки, темной широкой волной поднимается от ног к голове. Накрывает. И – странное дело – я почувствовал себя лучше. Расщелина в затылке не стала меньше – но словно отдалилась, накрытая приливом.

Я судорожно вздохнул.

– Почему мы ненавидим Слотеров? – спросил Маран.

...слотеров, слотеров, слоте...

– Потому что они разрушили Камень-Сердце, – ответил я уверенно. Не так уж давно я это повторял.

– Правильно. Но... не совсем так. Чей голос, как думаешь, ты слышал?

Низкий и такой раскатистый, что, кажется, вибрируют кости...

– Это был голос Джотты.

– Но Джотта умер! – я еще не понимал.

Маран усмехнулся:

– А остальные голоса, по-твоему, принадлежат живым?... Да, мальчик, да. В этом Чертоге эхо отвечает голосами мертвых. Поэтому его еще называют Чертогом тысячи ответов.

...ответов, ответов, отве... ответов...

ВЕТ-О-ОВ!

– Джотта – Камень-Сердце – сосредоточие силы нашего клана, – продолжал Маран. – Всего нашего опыта. Когда-то Джотта был простым охранным камнем. Шли столетия, он собирал голоса и воспоминания – и превратился в самостоятельную личность... А потом Джотта умер. Взорвался. Как взорвались и умерли Камни Морганов и Треверсов. Слотеры что-то сделали – я не знаю, что. Но это уничтожило Камни. Мы, оставшиеся в живых, собрали осколки Джотты вместе. Так возник Чертог тысячи голосов.

– Но причем тут я?

...ТЫ, ТЫ, ТЫ, ТЫТЫТЫ, ТЫ...

ТЫ-Ы!

– В каждом из нас живет Талант, – сказал Маран. – Первородная связь Древней крови с хаосом. И наступает момент, когда Талант начинает прорезаться. Это больно, тяжело и опасно. У тебя болит голова, мальчик? Перед глазами все плывет?

Когда был жив Джотта, Талант проявлялся в детях с самого рождения... По чуть-чуть. По капельке хаос просачивался в ребенка – и овладение Талантом шло легко и естественно. Я родился с Талантом, мальчик. Все Слотеры до сих пор рождаются с Талантом. Кэр-Кадазанг, их Камень-Сердце, помогает в этом...

А нам помогает мертвый Джотта – когда пуповина, идущая к хаосу, разбухает и ноет, как больной зуб.

То есть мы все делаем сами.

Потом вам, молодому поколению, придется долго учиться, чтобы ваши Таланты развились в полную силу...

– Может, пойдем дальше? – спросил я с надеждой.

– Мы уже пришли, мальчик.

Я съежился. Маран смотрел на меня в упор. В зеленоватом свете его лицо казалось зловещим.

– Когда ты выйдешь отсюда – ты будешь что-то значить на весах клана, – сказал Маран. – Или не будешь... Или вообще не выйдешь – существует и такая возможность... Давай, мальчик! Твой брат недавно обрел Талант. Теперь твоя очередь.

Гэвин. Скучный серьезный Гэвин, который не играет больше в оживление игрушек?

И я никогда больше не увижу Короля-Дурмана? Буду смотреть на зеленого человечка – и мне будет все равно: побьет он или нет Повелителя Ужасов, которого сделал Фер?

Это и значит – обрести Талант?

Не хочу.

– Не хочу, – сказал я шепотом.

...хочу, хочу, не хочу, надо, надо, мальчик ришье, мальчик, надо...

Я ждал темной широкой волны, которая собьет меня с ног – но Джотта молчал. Расколотое и уничтоженное, но все еще живое, сердце клана отказывалось отвечать.

Я ждал.

Маран молчал.

И тогда я набрал в грудь воздуха и закричал.

– Не нужен мне этот проклятый талант! НЕ НУЖЕН!

По катакомбам прокатилось эхо. Сотни голосов ответили мне:

Нужен, нужен, нунуну... жен, жен...

А Маран смотрел на меня, и было в его глазах... сожаление? насмешка?

Понимание.

Глава 4. КИТАР

(Паук)

– Рино, посмотри! Какой ужас! Он весь в змеях! – женский голос спицей вонзился в уши.

– Это ритуальные рисунки южных варваров, – пояснил другой голос, мужской и низкий. – Они делаются особой краской на коже, и стереть их никак невозможно. Никак! И потом, дорогая, это не змеи. Больше похоже на паутину.

Я с трудом разлепил один глаз (другой заплыл слишком сильно) и посмотрел на говоривших.

Это была благообразная парочка: суховатая девица и держащий её под руку усач со шпагой. Женщина – наверняка дочь какого-нибудь провинциального дворянина, который уже отчаялся выдать «деточку» замуж. Оно и понятно, при её внешности – одна надежда на приданое. Судя же по тому, как женщина одета, о богатом приданом можно забыть. Простые горожанки иной раз щеголяют в более роскошных нарядах.

Мужчина – из той же «оперы», только его дела идут, кажется, еще хуже. Камзол ветхий, кружева оборваны, плюмаж на шляпе – одно название. Даже неременный знак благородного происхождения – золотая цепь, кажется какой-то жидкой. Этот ободранный кот, из всех достоинств которого усы наиболее примечательны, уже не помышляет о выгодной женитьбе. Каждый день кусок хлеба и стакан вина – ему вполне достаточно.

В общем, понятно. Китар, провинция, глухомань.

Все эти детали было не так-то легко разглядеть одним глазом, к тому же из сточной канавы, куда меня сбросили сволочи из борделя, но до того, как стать Пауком, я был кем-то еще... кем-то, кто хорошо умел оценивать свои жертвы.

Жертвы?

Я был гол, ранен, у меня не было ни оружия, ни денег. Зато у воркующей парочки кое-что имелось. И я не испытал ни малейшего смущения при мысли о том, что это можно отнять. Уже стемнело, вокруг – ни души. Очень удобно. Проблема заключалась лишь в том, что справиться со мной было легче, чем с ребенком.

– О, Рино! Он жив! он смотрит на нас? Пойдем, пойдем отсюда скорее! Сейчас этот варвар начнет молить о помощи. Ты же знаешь, мое бедное сердце этого не выдержит!

– Не волнуйся, дорогая, его так отделали, что...

Я попытался встать. Тело отчаянно протестовало, мышцы стонали, нутро горело, но я стиснул зубы. Я встану. Пауки удивительно живучи.

На левой руке два пальца были сломаны, но именно ею я взялся за кстати подвернувшийся камень. Правая ведь вообще не слушалась.

– Видишь, как он смотрит? У него недобрый взгляд, Рино! – женщина потянула кавалера за собой.

Тот нарочно уперся.

– Сдается мне, варвар получил недостаточно полный урок хороших манер. Но это всегда можно исправить.

Дворянин театральным жестом потянул шпагу из ножен... даже оружие у него было никудышное...

Камень ударил усача точно в лоб, прервав движение в тот момент, когда клинок покинул ножны наполовину. Кавалер округлил глаза, потом губы, словно собираясь протянуть удивленное: «о-о-о?», затем повалился, едва не утянув с собой даму. Женщина закричала и бросилась прочь, путаясь в юбках. Второго камня у меня не было, а жаль. Сейчас эта горластая дворяночка поднимет на ноги всю городскую стражу!

Я кое-как вылез из канавы, подобрался к своей жертве. На лбу у бедолаги – огромный кровоподтек, но жилка на шее бьется. Это хорошо. Не люблю убивать, пока меня не вынудят.

Раздевать бесчувственное тело искалеченной рукой, к тому же левой – самое трудное дело, какое только можно себе представить. И все же я справился. Правда, за это время меня раз пятнадцать должна была повязать городская

стража.

На мое счастье, Китар – маленький провинциальный город, с десятком вечно пьяных стражников на всю округу. Если бы не Свинцовая тропа, по которой монотонно тянут поезда исполинские големы, Китар, скорее всего, остался бы обычной деревней. А так – город: станция, бордель, две церкви. Все как положено.

Церковь! Одна эта мысль придала мне сил.

Собрав волю в кулак, я пошел. Черная церковь находится рядом со станцией. Главное дойти, не свалиться где-нибудь. Если бы не Тотем, взявший на себя часть боли и надежно закрепивший сломанные кости, я, скорее всего, умер бы по дороге. Но Тотем помогал, и я брел, тащился, плелся, едва сдерживая стоны. При каждом шаге невидимые иззубренные лезвия проворачивались у меня в животе. Каждый вдох пронзал легкие железной «кошкой». Должно быть, именно так чувствуют себя грешники в аду, когда их перетаскивают из котла в котел на раскаленных крючьях.

Не пройдя и половины пути, я истратил весь запас ругательств и проклятий, известных... кому же известных? Кем был тот, кто стал Пауком?

Неважно. Это уже давно неважно.

Наверное, висельник бредет к эшафоту быстрее, чем брел я. И все же цель приближалась.

До Черной церкви я добрался в полуобморочном состоянии. К этому времени дворянка должна была поставить на уши всю городскую стражу, но, видно, на мое счастье, сегодня стражи были не просто пьяны, а пьяны просто удивительно. Иначе что им стоило прочесать город и схватить едва ковыляющего, перемазанного кровью «варвара» в лопнувшем на спине камзоле?

Впрочем, повезло мне не только со стражей. Чистым везением было и то, что громилы из борделя отволокли меня достаточно далеко, чтобы паучьи инстинкты оставили шлюху. В противном случае она нашла бы меня и разорвала бы мое горло.

А может, инстинкт и не оставил «паучиху». Может быть, её просто побоялись развязать. В любом случае мне повезло – очнулся раньше, чем они на это решились.

Черная церковь нависла над улицей огромным уродливым пауком. Подойдя ближе, я почувствовал наше родство, и на какое-то мгновение мне стало легче.

Перед храмом Тьмы и Первородного Зла был небольшой загон для скота и птицы, рядом примостилась лавка торговца. Кровавые жертвоприношения... куда без них?

Мало что известно о тех временах, когда люди отказались от тотальной войны с темными силами и согласились на сосуществование. Это было на заре времен – ни дат, ни имен тех, кто был в числе первых, заключивших договор. Только смутные предания... Впрочем, кому есть дело до преданий?

Главное, что это полезно.

Черные церкви – зло одомашненное, приспособленное к нуждам и потребностям смертных. Зло не хаотичное, но упорядоченное, собранное в конкретных местах. Зло, принимающее добровольцев и довольствующееся этим... по крайней мере, так кажется на первый взгляд.

Так проще всем. Даже аду – души с тех пор обходятся гораздо дешевле. И все по закону, все в рамках человеческих правил. Существует официальный свод цен на услуги. Единственно, запрещено приносить в жертву создания, наделенные разумом и душой. Преступившего это правило ждет суровая кара, по сравнению с которой сжигание на медленном огне – просто небольшой ожог.

И все идет своим чередом. Кто-то в обмен на собственную душу проклинает соседа, другой отворяет себе вены, призывая Герцогов ада отомстить за поруганную честь дочери, третий режет горло жертвенному быку, устраивая выкидыш жене давнего недруга. У каждого свои мотивы и свои причины. Кажется, это все-таки лучше, чем вторжение орды демонических тварей из потустороннего мира. Или нет?

При жизни Зло оказывает услуги, после смерти – забирает душу. Все честно и справедливо. В наш мир нельзя впустить больше Зла и Тьмы, чем ты стоишь. А

преисподняя уже собрала такой урожай, что цены существенно упали. Конечно, кое-что осталось неизменным – душа праведника, безусловно, стократ дороже души грешника, но праведники-то и не идут добровольцами.

Впрочем, дело не в этом. Просто все знают – Тьма всегда в выигрыше. Она все равно возьмет больше, чем даст. Поэтому в Черные церкви идут либо те, кому терять нечего (увы, многие вскоре понимают, как сильно они заблуждались), либо те, кто уже впустил в душу отблески адского пламени.

Кроме того, на другой чаше весов находится Строгая Церковь и Божественное вмешательство. Равновесие, чтоб его!

...Тот, кем я был до того, как стать Пауком, не особо тяготел к философии, но он разделял черное и белое и старался по мере возможности быть на светлой стороне. Для Паука все стало гораздо проще. Он просто смешал краски. Мир Паука – серый, хотя и в нём нашлось место глубоким и мрачным теням.

– Мессир, могу я предложить вам этих... э... чудесных черных цыплят. – Торговец на глаз оценил мой достаток и предложил самый никчемный товар. – Их кровь умилюстит духов!

– Агнец! – сказал я хрипло. – Мне нужен агнец. Белый. Без единого пятнышка. Еще сосущий мать.

– Э... могу я посмотреть на деньги?

Я снял золотую цепь (усач, должно быть, до сих пор в беспомыслии) и бросил торговцу.

– Твое!

– Хм... – покрутил головой толстяк.

Дворянин, добровольно расстающийся со знаком своего благородного происхождения? Небывалый случай!

Впрочем, босые и татуированные дворяне, наверное, случай куда более небывалый. Но золото не имеет запаха. У него другое свойство – липнуть к рукам.

– Весьма щедрая плата, мессир! Так платят короли! Могу я предложить еще что-нибудь? Есть свежая кровь девственницы. Никакого насилия, все по уговору! За четверть пинты я возьму...

– На алтарь! – приказал я. – Где твои подручные? Пусть тащат его на алтарь.

Не оборачиваясь, я захромал к церкви. Прислужник у входа – плечистый горбун с лицом идиота – услужливо распахнул дверь. Даже сломанный нос не помешал мне почувствовать исходящую от него вонь трупного разложения. Зомби. Похоже, у Черной церкви в Китаре дела идут совсем плохо, если она не может позволить себе даже живого привратника.

Внутри было мрачно, сыро и душно. И снова запахи оказались достаточно сильными, чтобы я смог их учуять – несло серой, гнилью, горелым мясом. В воздухе витали эманации боли, страдания, животной одержимости и низменных страстей. Толстые свечи на шестиугольных подсвечниках сильно чадили. Это, конечно, не был чистый трупный воск, но без него не обошлось.

Ко мне подошли двое в черных одеждах. Под капюшонами виднелись традиционные для Черной Церкви символы – треснувшие серебряные пентаграммы. Странно, что металл, губительный для Тьмы, так привлекает её служителей. В лучах пентаграммы заключены простые мистические знаки, складывающиеся в шестой символ – одновременно заклинание и одно из Неназываемых Имен.

– Что привело тебя к нам, брат мой? – голос, донесшийся из-под капюшона, был ровным и холодным.

Ни участия, ни радости, ни желания помочь – исключительно деловые отношения.

– Поиск удовольствий? Желание утолить ненависть? Терзающая душу тоска? Страх, может быть?

– Исцеление плоти! Черная благодать! – выдохнул я.

– О, да. Ты страдаешь, брат мой. Тьма не приветствует муки, которые испытывает смертный. Он достоин наслаждения и земных благ, боль же и страдания – удел зверей. Наша церковь готова помочь тебе... но Герцоги ада не откликнутся на одни только мольбы. Нужна жертва.

Двери скрипнули, и внутрь настороженно вошел подручный торговца – невысокий, хлипкого вида паренек, держащий на руках белого ягненка.

– Твоя жертва радует глаз. А кровь её будет радовать духов Тьмы. Кому из идолов ты поклоняешься, брат мой?

– Это неважно. Любое из имен – лишь отзвук настоящего Имени. Мне нужна Черная благодать! И быстрее!

Фигура в черном молча направилась вглубь церкви. Следом пошел я. За мной – мальчишка с дрожащим ягненком.

Алтарь был накрыт блестящей алой тканью.

– Клади! – приказал я.

Служитель протянул жертвенный нож – с выщербленным лезвием из позеленевшей от времени бронзы. Нож походил на коготь исполинского зверя. Я неуклюже принял его, зажал как мог уцелевшими пальцами, и поднял над слабо барахтающимся ягненком.

Парнишка не сводил глаз с искривленного лезвия, готовый отпрыгнуть в любое мгновение. Наверняка ему случалось присутствовать и при человеческих жертвоприношениях. Закон законом, а демонов трудно удовлетворить одной лишь овечьей или бычьей кровью. Тем более что Черная Церковь принесение в жертву «белого козлика» только приветствует и никаким префектам, естественно, не докладывается. По закону – казнят тех, по чьему желанию человеческая жертва приносилась, и тех, кто непосредственно умерщвлял. Служители Церкви наказанию не подлежат. Они – под особым покровительством.

– ...и одари меня Черной благодатью; верни силу рукам и ногам моим, дабы мог я воздать тебе; исцели мои хвори и раны, дабы мог я умножить число их, твоей милостью неся смерть и увечье... – нараспев гнусавил слуга, и я повторял за ним слово в слово.

Черная благодать исцеляет тело, но обрекает душу на вечные муки. Но мне было наплевать. Однажды заложив душу мастерам Сагаразат-Каддаха, я привык использовать её как разменную монету. Кому она достанется в конечном итоге... кто знает? Думать об этом было страшно, поэтому я и не думал.

Вслед за слугой назвав имя шестого Герцога ада, я опустил нож, попытавшись при этом задеть и руку мальчишки. Человеческая кровь, даже если ее мало, лишней не будет. Но гаденыш был начеку и ловко отпрыгнул в сторону. Не дожидаясь окончания ритуала, он выбежал прочь из храма.

Разумно. Зачем искушать судьбу?

Лезвие легко перерезало горло, ягненок задрыгал ножками. Кровь лилась на алое, но на ткани не оставалось и пятнышка. Вся кровь до капли уходила в материю и исчезала без следа. Агнец, наконец, затих.

Жертва принесена.

Я замер, ожидая ответа. Время тянулось медленно и тягуче, будто смола. Тьма может и отказать в благословении, тем более, что душу я продаю не в первый раз.

Сердце отбивало удар за ударом, ничего не происходило, только боль продолжала терзать тело. Кружилась голова, перед глазами прыгали пятна.

– Увы, Герцоги не видят в тебе достоинств, позволяющих заплатить за Черную благодать, брат мой, – развел руками слуга.

И осекся.

Сначала было липкое прикосновение к спине. Потом огненный столп, в который на мгновение превратился мой хребет. И невыносимая боль, с которой осколки

костей начали двигаться в теле, складываясь один к другому, словно кусочки бесовской головоломки, разрывая на своем пути связки и мышцы, которые тут же срастались заново. Тело мялось и корчилось куском глины в пальцах гончара. Невидимые пальцы ухватили меня за сломанный нос и с силой дернули, вправляя хрящи. На глаза навернули слезы.

Судороги сотрясали меня, и я кричал, не стесняясь. Так должно быть. Черная Церковь на том и стоит – боль, страх и смерть.

Жар охватил меня, обжигающими пульсирующими волнами прокатился с головы до ног. Кровоподтеки исчезали, раны зарастали, шрамы рубцевались. В искалеченное тело возвращалась былая сила и жизнь.

– Да. Да! ДА!!!

Я подпрыгнул и закричал. Боль исчезла. Исчезла! Служитель одобрительно затряс капюшоном. Пентаграмма качалась на его тощей шее из стороны в сторону.

– Герцоги вняли твоим мольбам, брат мой. Но помни, ничто не достается даром. Боль и увечья, взятые у тебя, должны сегодня же вернуться. И посему ты обязан...

– О, да. – Я, не скрывая удовольствия, потянулся всем телом – как прежде сильным и гибким. И оскалился, точно леопард. – Боли будет много. И боли, и увечий...

Глава 5. БЕЛОЕ ПЕРО

(Генри)

...солнце.

Ходить я учился заново. Шаг левой, шаг правой. Любое усилие вызывало обильный пот, тяжесть в висках и тошноту. Иногда усталость становилась невыносимой – словно гору взвалил на плечи. Хаос подери! Расщелина в затылке. Мост.

Я дотащился до окна и упал в кресло.

Книга.

Что?

Моя книга. Лота. Письмо.

Голова болит немилосердно, перед глазами повисла белая пелена. Мысль о еде вызывает тошноту. Спать нельзя. Что же еще мне остается? Что меня тревожит?

Потом я понял.

К уже имеющимся бедам добавилась новая...

Моя книга пропала.

Трактат «О войне» в первой попавшейся книжной лавке не купишь. Это вам не «Черная магия» Федерико Гануччи. И не банальная «Некрономиконика», которая есть даже у самого последнего школяра...

Это редкость.

Книга о том, как победить Слотеров и ловить рыбу.

Я поднял руку и потрогал лицо.

Дорогой потерь. Тропой достижений.

Шея занемела. Над правым глазом – болевое пятно. У меня потемнело в глазах.

– Х-хаос п-по-ддер-ри, – сказал я. – Чувствую себя так, будто мне действительно оторвали голову.

Где Берни?

Мне нужна моя книга.

Спросить у Берни. Игги-и-ип-п.

Проклятое солнце! Такое ощущение, что у меня на затылке лежит широкая теплая ладонь. И ладонь эта время от времени сжимается.

Когда тяжелые пальцы легли на лоб, сминая его, как кусок глины – я закричал...

...и очнулся.

Ощущение было новым. Я стоял в коридоре (когда я вышел из комнаты? зачем?) и смотрел на две одинаковых двери. Из темного дерева, покрытого лаком, в медной окантовке, с бронзовыми круглыми ручками. Только одна дверь была справа, а другая – слева.

И какая из них моя?

Я посмотрел налево, затем направо.

Не помню.

«В незнакомом месте, – прозвучал голос. – Всегда держись левой стороны, мальчик».

Маран?!

Я оглянулся. Никого. Только белый туман клубится вокруг...

Я подошел и взялся за ручку. Повернул.

Дверь отворилась без малейшего скрипа.

Комната – в точности как моя... нет.

В кресле у окна сидел человек и читал книгу в переплете коричневой кожи.

Медленно, как во сне, я переступил порог.

Я уже видел это лицо. Точно видел. Но – где?

Крючковатый нос, черные усы, впалые щеки – и тонкий вертикальный шрам под глазом. Словно человек фехтовал на рапирах без защитной маски и пропустил неуклюжий замах.

На столе лежала шляпа с широкими полями. На шляпе...

Человек поднял голову – мне стало холодно. Взгляд у черноусого оказался – пронзительный, как укол из третьей позиции...

– Что угодно, мессир? – спросил человек.

И, после недолгого молчания:

– А-а, это вы...

На шляпе было уже знакомое мне белое перо.

Наверное, я везучий сукин сын. Вместо того чтобы вышибить мне мозги на месте – и пистолет, и шпагу я благополучно забыл у кровати – Белое Перо вдруг завел беседу:

– Как вас зовут?

– Г-генри, – заикался я, – Уильямс. Чужое имя норовило застрять в глотке. – Т-тассел. Граф.

– Приятно познакомиться, – сказал Белое Перо. – А я – Дэрек Джекоби. Не граф, – с иронией уточнил он. Даже не надейтесь...

Из широкого рукава на меня равнодушно смотрел маленький дорожный пистолет.

– Вижу, вам тоже очень приятно, – сказал Дэрек.

И я понял: в отличие от меня, «не граф» он – самый настоящий.

– Н-ничего н-не п-п... – выдавил я.

Проклятье, заикаюсь все мучительнее! Как бы не надорваться.

Дэрек молча указал на бумагу и «вечное» перо.

«Зачем останавливать поезд? – написал я. Буквы выходили кривые и крупные, словно перебравшие крепкого вина. – Только не говорите мне про денежные затруднения. Какому-нибудь вконец разорившемуся дворянину я бы поверил. Но вам...»

Дэрек пожал плечами.

– Думайте что угодно, – сказал он негромко. – Впрочем, это не тайна. Кроме денежных затруднений, бывают еще затруднения... э-э, со временем... Когда время – вопрос жизни и смерти... Понимаете?

Еще бы.

– П-по... – начал было я, но быстро исправился и кивнул. Да.

– Я получил некое известие. Очень важное для меня. Пришлось действовать быстро. Мне действительно жаль, что с вами приключилось... такое, – сказал Дэрек. – И мне жаль беднягу-проводника...

Проводника? Берни?

– Приношу свои извинения, Генри. Надеюсь, это скоро пройдет.

Я тоже надеюсь.

Трудновато будет общаться с Лотой... вот так.

– В-вы, – начал было я и замолчал. Потому что Дэрек меня не слушал.

Дэрек смотрел на мои руки, лежащие на столе. Что его так заинтересовало... хаос подери!

– На вашем месте, Генри, – сказал Дэрек мягко, – я бы нанял телохранителя.

Я спрятал руки под стол. Проклятье, проклятье, проклятье! На глазах превращаюсь в развалину. И что самое страшное, я этого даже не замечаю. Я попытался улыбнуться... Попытка не удалась.

Я представил, как берусь за пистолет. А он у меня в руках – ходуном ходит. Я даже курок взвести не могу... От этой картины меня прошиб пот.

– Генри?

Я поднял голову и посмотрел на Дэрека. И понял, что ненавижу в нем и этот шрам, и это ледяное спокойствие. И эту дурацкую, уверенную правоту человека, который держал – и держит! – меня на прицеле. И который прекрасно понимает, о чем я сейчас думаю.

– Генри, я серьезно, – сказал Дэрек. – Найдите какого-нибудь варвара позверообразнее. Чтобы молчал все время, и только иногда жутко и многозначительно улыбался. Варвары это умеют. В Наоле... вы же туда направляетесь? Там сейчас сложно.

– В-война? – в горле пересохло, губы – точно растрескавшаяся земля.

– Скажем так: беспокойно. Когда в тридцати лигах друг от друга стоят две армии, мародеров и всякой вооруженной швали становится ох как много. И дальше будет только хуже. Поверьте. – Дэрек говорил просто, без пафоса или надрыва – поэтому ему верилось сразу и до конца. – А еще лучше, не нанимайте слугу, Генри... Самое лучшее – на следующей станции переседайте на поезд в обратную сторону.

Я удивился.

– Д-даже т-так?

Дэрек внимательно посмотрел на меня. Словно раздумывая.

– Я знаю много больше вашего, Генри, – сказал Дэрек наконец. – И вы мне почему-то симпатичны.

– А в-вы мне – н-н-нет!

Никогда не думал, что заикам так сложно говорить дерзости.

Но Дэрек лишь улыбнулся.

– Справедливо.

– Туи-и-и-ип! – гудок.

Поезд начал торможение. За окном появилась и плавно остановилась станция. Люди вдруг стронулись с места и забегали, засуетились, принялись что-то делать – словно ожила картина, висящая на стене.

– Кажется, это ваше, – сказал Дэрек. Пододвинул ко мне книгу в коричневом переплете.

Трактат «О войне» великого Эмберли вернулся к законному хозяину...

У меня почему-то вдруг заledenели пальцы.

Мне почему-то показалось, что пока я разглядывал оживающую станцию, этот человек, сидя напротив и улыбаясь одними губами, решал мою судьбу.

Хаос! Я становлюсь мнительным.

– С вашего позволения. – Дэрек встал. Убрал за пояс длинноствольный пистолет с колесцовым замком. – Было приятно познакомиться. Я сойду здесь. Будете в Китаре, навестите меня.

Это даже не звучало как издевка. Просто спокойная вежливость уверенного в себе человека.

– В-взаимно, – сказал я. – Ж-жаль, что у нас получился т-такой р-ра...

– Разговор? – Дэрек усмехнулся. Покачал головой. – Разговор у нас как раз не получился, Генри... мессир Уильямс. Или правильнее сказать, – он сделал паузу, внимательно посмотрел мне в глаза, – лорд Малиган?

Я сжал зубы. Как Дэрек догадался? Или просто – знает? Тогда это уже не совпадение.

– Л-лучше Ришье Малиган, – ответил я медленно. Не хватало еще сказать: «Р-Ришье». – А еще лучше: Ришье Лисий Хвост.

Дэрек поднял брови.

– Тот самый?

– Т-тот с-самый. – Надо же, и в этой глуши обо мне знают! Что бы там Лота ни говорила о «достойн большего», все равно чертовски приятно. – Я-я...

– Никогда не слышал этого имени, – сказал Дэрек насмешливо. – Никогда.

Глава 6. ПОПУТЧИКИ

(Паук)

По тому, как человек стучит в дверь, можно определить не только, кто пришел, но и с чем пришел. Стук может быть просительным – робким и ненавязчивым. Может быть требовательным – тяжелые, постепенно ускоряющиеся удары. Может быть яростным – барабанная дробь кулаков...

...я постучался страшно.

Дверь слетела с петель, грохнулась об пол, взметнув тучи пыли и песка, и посетители борделя оторопели. На миг повисла такая тишина, что, казалось, было слышно, как песчинки стучат по половицам. А потом я шагнул внутрь, и сразу стало шумно. Очень шумно.

Черная благодать требует жертв. Крови и боли должно быть много...

Тучный громила с кольцом в ухе, с толстым шрамом поперек носа, крикнул, сложился пополам и осел у стены. Я почувствовал, как сломались его ребра под моим ударом. И не могу сказать, что мне это не понравилось!

В моей груди набух жаркий ком ярости. Кровожадной, чужой ярости. Прикосновение Тьмы пачкает душу, заражает стремлением к убийству и разрушению. Я знал это, когда полумертвый, избитый и изломанный, шел к Черной церкви... еще не то будет, когда мастера Тотемов начнут делить мою душу с Герцогами. Но это все потом, потом! А сейчас...

Слева распахнулась засаленная ширма, чья-то рука взлетела в воздух, отсвечивая клинком узкого ножа. В следующее мгновение один из четырех избивших меня ублюдков звучно поздоровался со стеной. Не знаю, что громче треснуло – доска, к которой он приложился, или его переносица.

Визг резал уши, полуголые шлюхи и посетители метались, словно крысы в предчувствии потопа. Я шел сквозь этот хаос – страшный и неумолимый, как рок. Им еще повезло, что я нес только боль, но не смерть!

– Ах ты!.. – полуголый тип замахнулся было шпагой, но я коротко ударил его ребром ладони по челюсти, и он присел, собирая в пригоршню зубы.

– Убивают! Убивают!!

– Пожар!!

– Помогите! Стра-ажа!!!

Два смуглых варвара-варвака, похожие друг на друга, словно отражение в зеркале – низкорослые, сбитые, с ритуальными шрамами на щеках – бросились на меня, действуя на редкость слаженно. Мы столкнулись возле лестницы на второй этаж. У одного был бронзовый нож, второй держал в руках короткую дубинку с каменным набалдашником. Варваки исключительно ловко пользуются таким примитивным оружием в рукопашной. Но сейчас им это не помогло.

Сначала с глиняным стуком, точно два обмотанных тряпками горшка, столкнулись бритые головы. Затем грохнуло об пол оружие.

Я начал подниматься по лестнице. Мимо с визгом прошмыгнула девица, не прикрытая ничем, кроме гривы тяжелых черных волос. Следом спускалась другая, но рядом со мной страх объял её так, что ноги у бедняги подкосились.

Я перешагнул через обмякшее тело и встретился лицом к лицу со вторым из четырех ублюдков!

Я – Паук, и вокруг меня – мухи.

Он тупо уставился на обломок кости, вышедший чуть выше локтя, и завыл. Вой перешел в булькающие звуки, когда я ткнул его в горло сомкнутыми пальцами.

Паника. Крики. Стоны. Вопли. Треск сокрушаемых костей.

Как много может один человек, когда он в ярости!

Наверху меня ждали. Пека, главный из ублюдков, трясущимися руками наводил на меня пистолет. Мой пистолет! Ствол прыгал и выписывал зигзаги. За спиной

Пеки, зажав в потных ладонях дубинки и ножи, изготовились ещё несколько человек.

Я остановился, развел руки в стороны и закричал.

Жутко. Как кричит человек, из которого живьем выматывают жилы.

Именно такую боль ощутил я, когда ленты Тотема отделились от кожи, взметнулись у меня за спиной, трепеща в воздухе. Черные рваные раны в пространстве. Моя паутина.

Пека побелел, пистолет в его руках трясся так сильно, что теперь он вряд ли попал бы с двух шагов в камарский амбар. Лиц за спиной вышибалы я не различал. Там плавали одни белые пятна. Люди же видели перед собой демона – жуткого татуированного демона, окруженного извивающимися в воздухе черными щупальцами.

Паутина метнулась вперед и накрыла людей, перегородивших коридор. Ленты-щупальца оплели их руки, ноги, головы, плечи, сдавили пойманных мух стальными обручами, а потом раскидали этих живых кукол в разные стороны, как ветер разбрасывает охапку палых листьев. Стены покрылись кровавыми пятнами, а пол – стонущими телами.

И только после этого я остановился.

Черная благодать требует жертв. Этого с Герцогов будет достаточно?

Наверное. Чужая, кровожадная ярость медленно отпускала.

...Когда я уходил, забрав свои вещи – пистолеты, порох, запас пуль, боевую шпагу и прочее – бордель выглядел полем боя. Крики, стоны и мольбы еще долго звучали за моей спиной.

Я почти добрался до станции, когда услышал сигнальный вой. Голем прибыл. Мы оказались на перроне одновременно – я и огромная тень каменного исполина, тянущего за собой вагоны. Интересно, как далеко было бы слышно его

монотонную и гулкую поступь, не приглушай эти звуки специальное заклинание?

Смотреть на грозно надвигающееся чудовище, которое способно разнести в щепки небольшой дом и не заметить этого – удовольствие для людей с крепкими нервами. Големы вообще создания довольно жуткие. Страшная, тупая, обезличенная сила. Стихия. Голема невозможно остановить, заставить отказаться от задачи, вложенной в каменную голову магом-создателем. Он будет шагать по Тропе день за днем, ночь за ночью, пока не сотрутся ноги. Или пока не перестанет действовать заклинание Малиганов, без которого этот гигант – лишь нагромождение булыжников.

Говорят, варкалапы – скальные великаны, обитающие на севере – еще более страшные создания, поскольку, в отличие от големов, живут сами по себе и даже обладают зачатками разума. Некоторых из них горцы ухитряются использовать для охраны перевалов и расчистки горных троп, по которым следуют торговые караваны. Какую плату берут за свои услуги каменные чудовища, не нуждающиеся ни в пище, ни в воде, ни в золоте, ни в плотских удовольствиях, никто не знает. Горцы хранят эту тайну...

Станция в прямом смысле слова кишела людьми. Бегали-волновались «мокроглазые», они же «моргуны» – обслуга поезда. Трудно сохранить глаза здоровыми, если целый день пялишься на Свинцовую тропу. А смотреть надо, потому что стоит пропустить выбоину на пути голема, и поезд полетит под откос. Вот «мокроглазые» и смотрят – часами – на сияющую, днем добела раскаленную полосу, убегающую за горизонт. Через некоторое время глаза начинают краснеть, непрестанно слезиться, выделять гной. Адская работа. Если не тратить деньги на помощь целителей, долго на ней не продержаться. Надвигающаяся слепота, головные боли, доводящие до припадков... бррр! Уж лучше в деревне просо выращивать! В последнее время владельцы поездов начали снабжать своих работников кожаными шлемами с забралами из затемненного стекла, но долго носить их ни один человек не сможет. Особенно летом, в жару, когда солнце печет так, что воздух над Тропой пляшет и плавится, словно жидкое стекло.

Одни пассажиры неторопливо прогуливались по перрону, ожидая отправления, другие шумели и толкались на стихийно возникшем рынке. Так всегда: простолюдины, набившиеся в дешевые вагоны, везут с собой узелки и мешки с нехитрым товаром, который (чаще всего безуспешно) пытаются сбыть на каждой

встречной станции. Была бы воля, предприимчивые крестьяне цепляли бы к поездам телеги с мешками проса, горшками и поросятами. А что? По их разумению, «топтуну» тяжелее не будет. Сдюжит! Другое дело, что любая телега разобьется на десятом шаге голема.

Поезд это не просто повозка на колесах – это плод совместной работы механиков, алхимиков и колдунов. Запустить поезд по Свинцовой тропе стоит ничуть не дешевле, чем спустить корабль на воду. И, кроме того, если бы кто-то узнал секреты клана Малиганов – единственных, кому ведомы все тонкости запуска, едва ли он прожил бы достаточно долго, чтобы получить с этого выгоду. Малиганы, колдуны-Выродки, проклятые и благословенные, как и город, в котором они обитают, ревниво хранят свои тайны.

До того, как были открыты порталы Гильдии перевозчиков, Свинцовыми тропами пользовались исключительно военные. Свинчатку использовали для быстрых поставок оружия, снаряжения, припасов и перемещения войск. После военное значение Троп резко снизилось. Теперь главное – коммерческие грузы и пассажиры. Путешествовать на поезде – быстро, безопасно и удобно. Уж лучше, чем трястись в карете или на крестьянской подводе!

Стражников на станции хватало. Синие камзолы мелькали то здесь, то там. Но пока было тихо. Никто не бегал в поисках татуированного варвара, не заглядывал в лицо, выискивая на щеках следы черной паутины.

Я втянул воздух сквозь зубы и помотал головой. Стянутая кольцами на шею, под ворот рубашки, татуировка душила, точно гаррота, а боль в сведенных напряжением мышц заставляла мечтать о топоре и эшафоте. Но сейчас лучше разгуливать так, не привлекая нездорового внимания.

Стражники шествовали важно, как благородные. Всем своим видом они показывали, что не их это дело – следить за тем, чтобы с поездом ничего не случилось. Вообще-то дел у стражи на станции немного: присмотреть за тем, чтобы за время стоянки в Китаре, здесь не обокрали или – не дай бог! – не прирезали какого-нибудь пассажира местные удалцы. Мало ли кто может на поезде ехать! Окажется кто-нибудь, ну шибко важный, подпалят тогда префекту задницу, и полетят в Китаре головы направо и налево.

Сейчас много народа инкогнито в Наол едет.

С тех пор, как буйные бароны, именующие себя «мятежными князьями Фронтيرا», вновь заговорили о своей «независимости», Наол, этот небольшой торговый город, превратился в кипящий котел. Война, даже маленькая – это деньги, взлеты и падения, возможность свести счеты с давними соперниками и личными врагами. Одним словом, умные люди своей выгоды не упустят.

И один только я стремлюсь туда, сам не зная зачем!

На станцию я пришел, конечно, не случайно. Поезд – лучший способ добраться до Наола в отведенные мастером три дня. Можно, конечно, двигаться своим ходом, украв или купив пару лошадей. Днем это будет даже быстрее, чем на поезде, но одни разъезды, патрули, проверки чего стоят! И лошадям требуется отдых. Добираться в конечном итоге все равно придется дольше.

Пробравшись сквозь толпу пассажиров и зевак, я двинулся к вагонам, выбирая подходящий момент.

– Смотри, куда прешь, образина! – прикрикнул мрачного вида тип в берете, сдвинутом на ухо.

Несмотря на лютецианский покррой камзола, рожа у типа была на редкость смуглая для республиканца, а выговор – явно эребский. Не иначе полукровка. Пресловутую рожу обрамляла короткая разбойничья борода, агрессивно щетинившаяся в мою сторону. Судя по повадке и круглым, покрытым шрамами кулакам, молодец был удал в драке и не упускал даже самых незначительных поводов, чтобы её затеять. Увы, мне совершенно не хотелось привлекать к себе внимание, поэтому я пробормотал что-то извиняющимся тоном и отошел в сторону. Борода дернулась было следом, но её обладателя повелительным жестом остановил другой человек.

Он заслуживал внимания еще больше, чем эребец. Высокий крепкий мужчина, судя по небрежно-уверенным манерам и породистым чертам лица, дворянин. Одежда его не отличалась особой роскошью, шляпа была украшена серебряной пряжкой без герба и щегольским белым пером. Шпага с простым, изрядно потертым (не часто скучает без дела!) эфесом, и пистолет за поясом дополняли картину.

Я почувствовал себя пауком, чью сеть с лета прорвал шмель. Не знаю почему, но так бывает: люди, абсолютно незнакомые друг с другом, вдруг, сталкиваясь, ощущают некую связь, ничем не объяснимую. Это как предвидение. Они смотрят друг на друга и в одно мгновение понимают: незнакомец, с которым, быть может, не довелось и словом перемолвиться, еще обязательно появится на твоём жизненном пути. И обойти его будет сложно. Придется либо делить с ним последний кусок, либо кромсать друг друга шпагами.

Одно из двух. Третьего не дано.

Ястребиное лицо, жестко вылепленный подбородок, породистый нос и глаза – холодные, с замороженной в уголки насмешкой. Неприятные глаза. Точно у змеи, затаившейся перед броском. Если бы у него оказались вертикальные зрачки, я бы ничуть не удивился.

– Оставь его, Хадер Алай, – приказал дворянин и отвернулся. Его ретивый спутник последовал за ним.

Прежде чем нас разделила толпа, я услышал слова, явно чужим ушам не предназначенные.

– Выходит, мы опоздали, – сказал человек с белым пером. – Но кто? Кто еще мог захватить Башню? Вырезать этих идейных фанатиков и уйти, не оставив следов?

Дворянин поднял руку и в нервном напряжении потер висок. Тип, названный Хадер Алаем, принялся что-то объяснять вполголоса, но дворянин не слушал, погруженный в свои мысли. Его рассеянный взгляд скользил по перрону, но, наткнувшись на меня, в одно мгновение опять стал острым, точно клинок стилета!

Готов поклясться, что в тот момент он ощутил то же, что несколькими мгновениями раньше почувствовал я – если мы встретимся еще раз, то, скорее всего, будем резать друг другу глотки!

Я шагнул в сторону, укрываясь за спинами зевак.

Человек с белым пером нахмурился, и Хадер Алай тут же завертелся в поисках того, кто мог вызвать недовольство его хозяина. Настоящий цепной пес, которого дворянин, должно быть, спускает на своих врагов. Черт! Только потасовки с чернорожим сейчас не хватало! На всякий случай я опустил руку на пояс и нащупал тяжелый узкий кинжал. Схватку лучше закончить одним ударом.

На мое счастье, дворянин вдруг решительным движением нахлобучил шляпу и двинулся к выходу. Эребец скорчил мрачную рожу и поспешил следом.

Странная парочка!

Но еще более странные у них разговоры!

Только про одну башню можно было сказать так просто и многозначительно – «БАШНЯ». Это старая крепость на северо-востоке от Китара, цитадель Ордена экзекуторов – военной организации, поставившей своей целью борьбу со Злом. Но не в душах обывателей, как призывает Строгая церковь, а в мире телесном и физическом.

Экзекуторы уничтожали демонов и чудовищ, раскапывали кладбища в поисках вампиров, устраивали охоту на оборотней. Они выслеживали темные секты и культы, громили шабаши, подсылали убийц к аристократам, покровительствующим таким культам. Экзекуторы сожгли несколько Черных церквей, заслужив вечное проклятие шести Герцогов ада! Фанатики, безумцы, добро с пудовыми кулаками...

Некогда экзекуторы представляли собой рыцарский орден, состоявший на службе у мессианской Церкви. Это было небольшое, но очень боеспособное воинское братство.

В какой-то момент Церковь стала уделять больше внимания политическим играм, усилению своего влияния при дворах правителей. Дипломатия подразумевает уступки и компромиссы, поэтому скоро отцы Церкви заговорили о допустимости зла... Тогда и произошел раскол. Братство разделилось на две группы, первая из которых – экзекуторы – ушла из лона Церкви. Наплевав на дипломатию, экзекуторы взялись жечь и резать нечисть. Привлекали на свою сторону магов, не чурались оружия, способов и методов борьбы, не благословленных мессианцами.

Другая часть братства осталась, превратившись в ударный кулак Церкви. Их боевые подразделения появились при каждом монастыре. Бывшие рыцари принимали монашеские обеты, постились, вели жизнь аскетов и упражнялись во владении оружием. Называть их стали – инквизиторы. Воины-монахи уничтожили немало нежити и тварей, порожденных Тьмой, но славы экзекуторов не снискали.

Может быть, отсюда и проистекала взаимная ненависть орденов, вошедшая в поговорки...

«Вырезать этих идейных фанатиков». Дворянин сказал именно так. Выходит, братство экзекуторов разгромлено?! Надо же! невероятно! Еще более невероятно, чем поезд, бегущий без «топтуна»!

Неужели нашелся кто-то, кто решил сразиться с этим сборищем колдунов и воинов, гордо именующих себя рыцарями Очищающего Пламени?! У кого хватит сил, чтобы дать бой экзекуторам на их собственной территории? Даже мастера Сагаразат-Каддаха, творцы Тотемов, укрывшиеся в далеких тропических лесах юга, и те опасаются истребителей нечисти!

Нет, чтобы раздавить Орден, нужны силы государства, профессиональной армии... а то и личное вмешательство одного из шести Герцогов. Но Герцоги скованы в своих Цитаделях и не освободятся до конца света. Значит, это сделали люди!

Государство? Но какое? И почему?

Хотел бы я знать! Одно ясно – вряд ли это Ур, Лютеция, Тортар-Эреб или их вассалы (на это не решились бы даже Мятежные князья, готовые со шпагами в руках карабкаться по радуге, чтобы задать перцу ангелам!). Более того, согласно Нееловскому пакту, эти государства отказались от каких-либо территориальных, имущественных или вассальных претензий по отношению к ордену. В случае же прямого нападения на Башню, они не могли оставаться в стороне и должны были выступить на стороне экзекуторов против агрессора.

И что теперь?

Война? Почти наверняка. Но с кем? Кто разгромил Башню?

Кажется, в Наоле будет много жарче, чем я думал!

Впрочем, все эти мысли можно оставить на потом. Сейчас главное – попасть в поезд.

Возле облюбованного мной вагона, по привычке щурясь, торчал «мокроглазый». Он вертел головой, высматривая в толпе мальчишек, снующих по перрону стайкой мелких рыбешек. Для детворы дело чести забраться в вагон и дожждаться момента, когда «топтун» зашагает по Свинцовой тропе. Вскоре «волчат» (так называют шкиперы незаконных пассажиров) обнаруживали и, после хорошей порки, выставляли вон – иной раз прямо на ходу. Но проехать даже пару шагов – высшая степень мальчишеской доблести, поэтому китарская салажня упорно штурмовала каждый поезд, прибывающий в город.

Вот он удачный момент!

Я скользнул за спину зазевавшемуся «мокроглазому». Это получилось так легко и непринужденно, что любой «волчонок» мог позавидовать.

Вагон я выбрал не наобум. Мне нужен был именно «золотой». В таких вагонах всего две комнаты, они предназначены для людей знатных и богатых, которые могут позволить себе путешествовать с удобствами. В «серебряных», предпочитаемых дворянами пожиже и негоциантами, комнат уже четыре. Про «медные» и говорить нечего, там не всегда есть даже лавки. Народу в них едет много, это преимущественно крестьяне и ремесленники. Такой вагон меня не устраивал. За время пути люди должны были рассмотреть друг друга, разговориться, перезнакомиться. Появление нового пассажира обязательно вызовет шум и ненужные расспросы. В «золотом» вагоне людей меньше, так что это лучший выбор для моей тихой, незаметной, а главное – незаконной поездки.

Две комнаты. Левая или правая?

Конечно, левая!

Я провел ладонью по замку, ощупывая его привычным движением. Тот, кем когда-то был Паук, знал замки не хуже опытного кузнеца. Колесный механизм, четыре стопорящих собачки, нарлакская работа: вполне достаточно, чтобы остановить мелкого воришку. Да и опытного взломщика тоже, если не припасена хорошая отмычка. У меня, например, отмычки не было. Но там, где кончались таланты унаследованные, у Паука начинались таланты приобретенные.

Я распустил кольца на шее, вернув татуировку на лицо. Плотно прижал тыльную сторону ладони к замку и стиснул зубы, пережидая приступ боли. Черные ленты отделились от кожи и скользнули в замочную скважину. Если бы замок запирался еще и охранными чарами, такой фокус дорого бы мне стоил – оторванной руки, как минимум. Но кому придет в голову запиравать заклинаниями дверь в поезде?

Замок едва слышно щелкнул и открылся.

Уфф! Тотем вновь прильнул к коже.

Я осторожно вошел внутрь...

...дуло пистолета показалось мне очень большим и невероятно темным. Пистолетное дуло вообще имеет свойство расширяться, когда на него смотришь в упор, кожей чувствуя, как дрожит палец на спусковом крючке у человека, направившего оружие в твою сторону. У смерти, наверное, такие глаза – как дуло пистолета, нацеленное с расстояния в два шага.

Молодой аристократ с забинтованной головой криво улыбнулся из-за вычурного, отделанного серебром курка.

– Эт-то уже ст-тановится инт-т...

Я скользнул в сторону и вперед и выхватил пистолет из его дрожащих рук.

Легко! Как у младенца конфетку!

Если у тебя проблемы с быстротой и точностью движений, не нужно угрожать оружием. Нужно стрелять!.. пока есть возможность сделать это первым.

Теперь мы поменялись ролями, и он смотрел в дуло пистолета – заковано, точно в глаза смерти. Дворянин не делал попыток дернуться. Его шпага висела на спинке кресла, только протяни руку; но мало кто отважится состязаться в скорости с пулей.

Я внимательно оглядел своего заложника: достаточно молодой, чтобы путешествовать без слуг, но в то же время достаточно зрелый, чтобы не пороть горячку. Красивое лицо с тонкими породистыми чертами. Оно могло бы показаться волевым, не будь так искажено нервным тиком. Да и линия подбородка подвела – немного мягкая.

Почему-то у меня сложилось впечатление, что я смотрю на сырой материал. Словно этот человек – комок глины, над которым надо поработать, чтобы придать законченную форму. На нем был дорожный камзол – неброский, но явно дорогой, пошитый точно по фигуре.

– Д-да, это становит-ся инт-тересным, – сказал дворянин, оторвав, наконец, взгляд от пистолета.

Я закрыл дверь, продолжая целить ему в голову.

– У меня нет времени на реверансы, господин хороший. Меня не интересуют ни ваши деньги, ни ваше имущество. И вообще ничего из того, что у вас есть. Но благородного разбойника я изображать не намерен. Мне нужно быть в Наоле через три дня. Поезд – единственная возможность попасть туда в срок. Увы, времени искать другие способы у меня не имеется. Так что придется нам стать попутчиками.

Дворянин молчал. Его взгляд внимательно изучал меня. Присущей аристократам брезгливости в нем не было. Ровно, как и страха. Хорошо, очень хорошо, если человек из высшего общества избавлен от спеси и страха. Если при этом он еще и наделен мозгами – просто замечательно. Хотя с таким проблем может возникнуть еще больше.

– Поверьте, если бы не необходимость в течение пути общаться с обслугой поезда, я бы не сомневался, как с вами поступить. Свернул бы шею, замотал вот в это покрывало, сунул в шкаф – и дело с концом. Я очень серьезный и практичный человек. Но раз убивать мне вас не с руки, давайте договоримся. Вы

не будете делать ничего, что мне бы не понравилось. Я же обязуюсь не доставлять вам иных неудобств, кроме своего присутствия, а через три дня – сойду в Наоле и навсегда исчезну из вашей жизни. По-моему, это честно.

Странная улыбка, появившаяся на лице невольного попутчика, меня несколько смутила. Дворянин кивнул в сторону стола, на котором лежало несколько листов бумаги, прижатых «вечным» пером. Я уже видел такую штуку. Она похожа на утолщенное серебряное стило, и капля чернил на её конце никогда не высыхает. Ну, не совсем никогда... «вечности» пера хватает на два-три месяца, а потом заклинание утрачивает силу. Главное преимущество «вечного» пера по сравнению с обычным – не нужно макать его в чернильницу.

– Хотите что-то написать? Валяйте!

Дворянин взял перо и подрагивающей рукой вывел: «Для серьезного и практичного человека вы слишком многословны».

Хм... бодрится.

– Спишем эту вашу дерзость на контузию, – тихо произнес я. – Но не вынуждайте меня доказывать, насколько я серьезен.

Дворянин внимательно посмотрел мне в глаза и медленно кивнул. Перо побежало по бумаге: «Вы уже второй человек за эту поездку, набивающийся ко мне в спутники с пистолетом в руках». Я изобразил на лице недоверие, и дворянин кивнул: да, именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Erstellt euch! (фронт.) – На исходную!

2

Feuer! (фронт.) – Огонь!

3

ingrosse (фронт.) – в великом, inkleine (фронт.) – в малом, ingrosseausgrossen (фронт.) – в великом из великих (не совсем правильные выражения, так как используется искаженный фронтирский)

Купить: https://tellnovel.com/ru/obedin_vitaliy/dikiy-talant

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)